ГАЛИНА РОМАНОВА

ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ НИКОГДА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Завтра не наступит никогда

«Эксмо»

2009

Романова Г. В.

Завтра не наступит никогда / Г. В. Романова — «Эксмо», 2009 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-38014-5

Эту рыжую стерву Марго ненавидели все! Но та не переживала по этому поводу. Да, она наглая и везучая. Не станет мучиться глупым чувством вины только потому, что рядом с ней кто-то несчастен. Главное, у самой все отлично! На завтра ею намечены три мишени. Первая – шеф Марков, здесь чисто денежный интерес! Вторая – Эмма Быстрова. Эту надо заставить страдать. Подумаешь, красавицей родилась! Третья – мышь серая, Машка Гаврилова. Ишь, что удумала! Грозить самой Марго! Итак, завтра рыжая бестия разыграет гениальную комбинацию… Но завтра не наступит для нее никогда… Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-38014-5

© Романова Г. В., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1 8
Глава 2 15
Глава 3 20
Глава 4 25
Глава 5 29
Глава 6 34
Глава 7 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Галина Романова
Завтра не наступит никогда

…Эта баба, чью фотографию за последние две недели он истрепал в кармане куртки, все не ехала и не ехала. Он устал ждать на сквозняке. Он хотел получить свои деньги, нырнуть в теплое нутро винного магазина, купить вожделенные пол-литра, попутно прихватить сигарет и закуски. И все! После этого он хотел навсегда забыть это дело, за которое ему, если честно, было немного стыдно.

Разве не позор: пригвоздить беспомощную бабу? Разве такими делами ворочал, когда был в форме и в прямом, и переносном смысле?

Нет, тогда он гарцевал по жизни. Он был профессионалом. К нему шли с заказами толпами. Нет, неправильно, а то кто-нибудь подумает, что он ларек на центральной площади держал по оказанию киллерских услуг. Не шли, конечно же, это перебор. Заказы он получал через десятого посредника в виде лаконичного звонка на домашний телефон. Потом при встрече получал аванс и подробные инструкции. После операции получал остальную сумму. Каждый посредник знал по цепочке лишь следующего за ним и никогда другого, поэтому его так долго и не могли взять.

И до сих пор не взяли, хотя теперь его и брать-то не за что.

Он прокололся однажды. Глупо, дико прокололся. Деньги вернул, но весть о том, что он уже не тот, быстро облетела всех, кто на него полагался. К нему перестали обращаться. Сначала он психовал, лежал дома и часами смотрел глупые наивные сериалы про киллеров и охотников за ними. Смотрел и ржал.

Такая лажа! Такой глушняк, что облеваться можно было от постоянной тошноты, вызываемой очередной серией. Все не так! В чем-то было много проще. В чем-то много сложнее. Но совсем не так красиво и деловито, как в кино этом сраном.

А артистов-то, артистов на роль злодеев подбирали каких, а! Ну просто плейбой какой-нибудь, а не душегуб. И все атлеты, как на подбор, и единоборствами владеют, и в костюмах дорогущих и при галстуках, и ботинки ручной работы. На такого глянешь, не захочешь – станешь подозревать. Боец ведь, не рядовой слесарь со станкостроительного. Боец и хищник!

Разве же такое возможно?! Да нет, конечно! Он-то знал, что все не так. Он вот не был атлетом с широченными плечами, хотя руками кое-что делать и умел. И ростом не особо вышел. Внешность так вообще заурядная, не то что с первого, с третьего раза не запомнишь. Последний в цепочке десяти посредников от заказчика частенько мимо него на месте встречи проходил, не узнавал.

С бабушками во дворе дружил, потому что надо было так. На субботники выходил, мусор помогал относить, за лекарствами даже иногда кому-нибудь бегал. Оттого и любили его соседи, и все невест ему подыскивали.

Оттого и на свободе он до сих пор.

Хотя, может, на свободе он не от неприметности внешности своей, а потому что давно не в деле. Очень давно! Лет уж пять, поди. Странно, что о нем сейчас вспомнили вдруг. Правда, дело – говно. Серьезный человек на такое и подписываться не станет. И деньги пустяковые. Ему сгодится. Пенсии, которую он получал, в последнее время что-то хватать перестало.

Да, стал выпивать, а как иначе? Один да один. Дела нет, семьи нет. Собаку пробовал заводить, так соседка престарелая с конфузливой улыбкой попросила зверину свести из квартиры. Псиной, мол, воняет. Он и свел собаку в приемник, хотя привязался к ней очень и очень хотел бабке хребет за пса сломать.

Но правило, установленное им самим же – не убий там, где живешь, и не живи там, где убиваешь, нарушать не посмел…

Так, кажется, прикатила. Он заерзал возле ствола дерева, о который опирался, проверил незамысловатое орудие. Дождался, пока баба выйдет из машины, подхватит из багажника пакеты и скроется в своем подъезде, и только тогда скорым шагом пошел за ней…

Глава 1

Раз, два, три, четыре, пять, вышел Зайчик погулять…

Ее Зайчик тоже теперь на прогулке, наверное. Маленький, пухлый карапуз с умными серыми глазищами в пол-лица, носом пуговкой, алым сочным ротиком, прямо как перезрелая черешня, которого она назвала при рождении Гавриилом и с которым до недавнего времени не расставалась почти ни на минуту, в это время должен быть на прогулке со своей воспитательницей.

Звягинцева Надежда Степановна – до отвращения правильная, до крахмального хруста стерильно-чистоплотная – чопорная дама, понукала теперь ее мальчиком.

– Гавриил, так нельзя, – должна она сейчас повторять ему нравоучения хорошо поставленным бесцветным голосом.

– Туда не ходи! Там опасно!

– В лужу наступать нельзя, промокнут ботинки!

– Мячом играть нужно с другими детками, так правильно!

– Не стоит облизывать губы на улице, Гавриил, это неприлично, и они будут болеть…

Может, и сумеет научить ее Гаврюшку Звягинцева Надежда Степановна – как надо сидеть за столом, как держать вилку и нож, как приветствовать входящих и как прощаться с уходившими… Одному она ее Гаврюшку не научит – любви. Этому научить нельзя. И как может научить любви человек, который сам никого не любил и которому и любить-то некого. Одинокой была Звягинцева Надежда Степановна, совершенно одинокой, как та береза, что скрипит десятый год под Машиными окнами.

Она ведь все про нее узнала. И где живет, и с кем дружит. К слову, не дружила та ни с кем, кроме своего облезлого кота. Когда ходит по магазинам, что покупает из еды, на чем экономит, а на что не жалеет средств. Маша, как привязанная, ходила за ней по пятам первые два месяца. Украдкой ходила. Часто переодевалась, чтобы не быть замеченной. Встречала с работы, доводила до дома, потом от дома и до работы. Днем пряталась за верандой на детской площадке и подсматривала оттуда, как и что говорит Звягинцева ее Гаврюшке, когда они всей группой в десять малышей выходят на прогулку.

Придраться было не к чему. Ничего дурного не совершалось бесцветной женщиной с обнадеживающим именем, которой органы опеки доверили Гаврюшку, отобрав его у нее – у Маши Гавриловой.

Звягинцева не была с ним излишне строга, не обделяла его вниманием, следила, чтобы в ушки не надуло, поправляла на нем курточку, поднимала воротник, брала за руку, потому что он был самым маленьким. Но…

Но она не была с ним и ласкова! Она не целовала его в макушку всю в милых славных кудряшках. Она не прижимала его к себе с любовью, сильно напоминавшей сладкую боль со щемящей тоской вперемешку. Не перебирала его пальчики, не прикладывала их к своим губам, когда рассказывала ему на ночь сказки. Она и сказки-то ему не рассказывала! Она просто командовала: всем в постель, повернуться на правый бок, положить руки под щеку и спать. И все! Какие сказки?!

Она все правильно делала – Звягинцева эта, – правильно, умно, красиво и по-книжному. Правильно кормила, правильно выгуливала, правильно лепила поделки из пластилина с ними, но она не любила их.

Они – эта горстка несчастных либо брошенных, либо осиротевших, либо отобранных органами опеки, как вот Гаврюшка, детей – были ее работой! И это было страшно!!! Страшно это было для Маши Гавриловой, которая и в мыслях никогда допустить не могла, что жизнь ее маленького сына станет для кого-то каждодневной, рутинной, а порой и надоедливой до соплей

работой. Что от его больных зубов будет больно не ей, а тошно кому-то другому. Этот другой станет сжимать рот, контролировать себя, чтобы не разразиться руганью, станет применять научные методики, борясь с больным зубом ее Гаврюшки. Но он не будет сопереживать! И это тоже было страшно!!!

– Раз, два, три, четыре, пять, вышел Зайчик погулять… – слабым шепотом проговорила Маша, не сводя тупого от горя взгляда от опустевшей Гаврюшкиной кроватки. – Вдруг охотник выбегает…

Да, нашлись охотники и на ее Гаврюшку. Охотники, опекуны, псевдородители, сдохли бы они все разом!!!

Кажется, ее кто-то предупреждал, что такое возможно, если она не встанет на путь исправления. Кажется, даже приходил к ней кто-то и долго говорил проникновенным, тихим голосом, что она должна ради сына…

Маша их почти не слушала. Она же знала, что их визит – это тоже работа. И они про нее – Машу Гаврилову – сразу забудут, только выйдут за порог их густозаселенной коммунальной квартиры. И про Гаврюшку ее тоже забудут. Они про него, может, и не помнили вовсе. Не помнили, как забирали его. Как отрывали его маленькие пальчики, оказавшиеся на редкость крепкими и цепкими, от Машиной кофты. Как пытались перекричать его отчаянный рев, как волокли его на руках к машине с решетками.

Как преступника!!! Неужели другой машины не нашлось, кроме этой ужасной – безликого серого цвета с тугими беспощадными решетками на крохотных оконцах?

Ее Гаврюшку увезли на этой страшной машине, спрятав его от нее и от всего мира за страшными решетками. И ей уже никогда не вернуть его себе, никогда! Не вырвать его из-за этих стальных прутьев, переплетенных крест-накрест поганой судьбой.

Мало того что она не прекратила пить, так теперь его еще и усыновить решил кто-то очень умный, сильно правильный и жутко обеспеченный.

Вдруг охотник выбегает, прямо в Зайчика стреляет…

Выстрелили не в ее Зайца, выстрелили в нее – в Машу Гаврилову. И этим выстрелом убили наповал. Убили, убили, спорить нечего! Ее теперь и водка не берет, и дым табачный вдогонку с ног не сшибает. Она пьет, пьет, курит, курит, а все трезвая. На нее даже собутыльники дуться начали и наливать стали меньше. Чего, говорят, добру даром пропадать.

Это она точно померла. Была бы она живой, разве такое было бы возможно? Она раньше с трех стаканов и двух сигарет с табуретки замертво падала. А теперь сидит себе и смотрит и, главное – видит всех и все. И увиденному неприятно удивляется, что самое страшное!

Видит, какой старой и задрипанной стала Верка Носуха, прозванная так за перебитый ее любовником нос, сильно смахивающий после перелома на раздавленную сливу. А школу заканчивала вместе с Машей в десятке районных красавиц. Это Маша никогда супермоделью не была, а Верка блистала. Теперь вот с перебитым носом, сизой кожей, без передних зубов и с двумя сломанными ребрами слева, которые каждое утро ноют у нее так, что она орет во все горло.

Валерка из соседнего дома – фамилию его Маша даже не помнит – тоже урод уродом. Высоким был, кучерявым, фартовым, а теперь спина – колесом, лысина в полчерепа и в постоянных попрошайках.

Все теперь Маше заметнее как-то стало после того, как душу из нее вынули и сожгли на медленном огне. Заметнее, противнее и бесполезнее.

– Зачем мы пьем, а, ребята? – вдруг спросила она дня четыре или пять назад, когда в последний раз с ними собиралась на верхнем этаже у Верки Носухи. – Толк-то какой?!

– Ты дура, что ли, совсем стала?

Она не поняла тогда, кто откликнулся на ее вопрос вопросом, но уставились на нее, как на сумасшедшую, все, кто там присутствовал.

– Почему дура? – Маша пожала плечами, исхудавшими за последние месяцы до такой степени, что старый серый джемпер с вырезом «галочкой» сползал попеременно то в одну, то в другую сторону. – Просто понять хочу! Зачем мы пьем каждый день и столько?

– Чтобы весело было, овца гаврютинская!!! – гаркнул какой-то пришлый, она дала ему в зубы месяц назад, когда он полез к ней под юбку.

– Весело?! – Маша вытаращила глаза. – Чтобы весело?! Кому?! Вам весело?!

– Нам, нам, – скорчила отвратительную рожу Верка Носуха, разговоры на «умные» темы ее всегда раздражали. – А ты против?

– Какое же это веселье, если каждый день заканчивается дракой? – продолжала свой неожиданный анализ Маша Гаврилова, она ведь и сегодня не пьянела, хоть умри. – Мы не поем, не танцуем, не смеемся. Мы пьем, скандалим, деремся и падаем там, где сидели. А кто не успел упасть, тот ползет в соседнюю комнату за Веркиным триппером.

Тишина потом воцарилась такая, что тараканья возня за загаженной газовой плитой стала слышна и стук подъездной двери тоже.

– Ах ты, сука драная!!! – взвизгнула после неожиданного затишья Верка. – Триппер у меня, понимаешь!!! А почему он есть-то, дура, ты не задумывалась?! Да потому что у меня от мужиков отбоя нет! А ты… А на тебя разве что идиот полезет. Кому ты нужна, овца гаврютинская!!!

Они чудом не подрались. Верка успела смазать ей по щеке, правда. И Маша, будь она во хмелю своем постоянном, не осталась бы в долгу. Но странное состояние, которое она про себя называла смертью, не позволило ввязаться ей в драку. Она просто ушла. Ушла, оставив в денежной куче в центре стола свои последние полсотни. Собирались ведь как раз еще за добавкой бежать.

И больше она не вернулась туда…

– Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает Зайка мой, – продолжила она невнятный шепот, все так же не сводя взгляда с Гаврюшкиной кроватки.

Нет, это она умирает, а с Зайкой все будет в порядке. С ним все будет хорошо, даже очень. Он найдет себе семью. Уже, оказывается, нашел. У него будут мама и папа. И еще, кажется, сестра в той семье у него будет. Старшая будто бы. Она станет защищать его, если кто-то решит Гаврюшку обидеть. А вдруг…

А вдруг эта сестра сама решит его обидеть?!

От такой отвратительной опасной мысли Маша даже на локтях приподнялась со своего продавленного дивана, воняющего старым и плесневым.

А что, если Гаврюшке будет очень плохо в этой очень правильной и обеспеченной семье?! Что, если он будет там страдать, испытает унижение, разочарование, боль?! Как же тогда… Кто же тогда ему поможет, если она – Маша Гаврилова – решила умереть?! Она ведь, вернувшись с гулянки, твердо решила умереть. Но помня о страшном грехе самоубийства, она ничего не стала делать, чтобы умертвить себя. Она просто ничего не стала делать, чтобы выжить.

Она ничего не ела, не пила, не вставала, не ходила. Она лежала, безотрывно смотрела на кроватку сына, на которой теперь сиротливо жался к подушкам старенький медвежонок с обтрепавшимися лапами. Маша лежала и ждала прихода избавления. А потом вдруг пришли страшные мысли о возможном несчастливом будущем ее миленького Гаврюшки. И еще додумалось потом, что эта семья может мальчика взять и вернуть, если он вдруг надоест им или станет мешать. А куда вернут? Да снова в детский дом. И он опять будет страдать. Первый раз страдания ему выпали, когда его забрали у родной матери – у нее то есть. Во второй раз могут настигнуть – если его новой и очень хорошей семье он вдруг станет почему-то не нужен.

Кто же тогда поможет ему, кто?! Кто, если она умрет?! Никто! И уж точно не та рыжая мерзость, по милости которой Гаврюшку и забрали у Маши.

Вспомнив о соседке, что появилась в их коммуналке совершенно неожиданно, будто бы на время, но вдруг обжилась и успела за короткий промежуток времени отравить жизнь всем жильцам, а сильнее всех ей, Маша застонала.

– Ненавижу! – всхлипнула она, выпустив на волю пару слезинок, плакать она зареклась с того дня, как потеряла Гаврюшку. – Чтоб ты сдохла!!!

Но Маргарита, Марго, Маргусик, так называли соседку многочисленные ее любовники, собиралась жить долго и счастливо, а главное – громко. Она громко зевала по утрам за стенкой у Маши, комната Марго как раз располагалась там. Громко разговаривала по всем своим трем мобильным телефонам. Громко стонала во время сексуальных забав. И очень громко и с наслаждением скандалила.

Как же Марго обожала скандалить! Маше Гавриловой за свои тридцать два года не довелось встретить ни одного человека, который бы с таким сознанием дела, с таким удовольствием скандалил все равно по какому поводу. Все Машины собутыльники, все скопом, в подметки не годились горластой рыжей Марго, могущей заткнуть рот сразу десятку жильцов из четырех разных комнат.

– А ну заткнулись все, я сказала! – орала она, когда ее пытались выдворить из ванной отключением света и гневным гулом под дверью ванной. – Заткнулись и включили свет, или я вообще не выйду, стану тут спать!

Она могла и уснуть там. С ее-то пухлыми боками, громадным задом и грудью, Марго могла уснуть на бетонной плите, ей мягко будет.

Свет включали, конечно же, и быстренько так разбегались, чтобы разгневанная, распаренная Марго не застукала зачинщиков. Маша однажды удрать не успела, и Марго всю силу своего гнева обрушила на нее.

– Ах ты, шмакодявка ссаная, свет она мне отключать будет!!! – бесновалась рыжая, тыча Маше в лицо бесстыдно выпирающими сосками из-под тончайшей ночной сорочки. – Я тебе выключу свет!!! Я тебе такой свет выключу, что небо с овчинку покажется!!! Пошла вон, гадина худосочная!!!

Маша не орала в ответ, не спорила, она просто рассматривала Марго и дивилась. И почему в ней всего так много – в этой рыжеволосой вульгарной кобыле? И роста много, и мяса на широких костях ужас просто сколько, и гонора, и, главное – силы в легких и голосовых связках на десятерых.

Как такое чудовище может нравиться мужчинам?! И каким мужчинам!!! С ней же в эту коммуналку кто только не является! И Маше ни разу не удалось рассмотреть в ночных гостях Марго уродов или юродивых. Будто конкурсный отбор ее гости где проходили по стати и красоте.

Что в ней такого, чего вот, например, в Маше нет?

Никогда она, дурочка, не умела владеть чувствами, никогда не умела играть, все вырисовывая на личике своем невыразительном: и любовь, и ненависть, и неприязнь, и брезгливость.

И тогда-то вот именно брезгливость она к этой громадной бабище почувствовала. Угораздило ее! Марго, разумеется, безошибочно все это угадала на бесхитростной Машиной мордахе, оскорбилась так, как не оскорблялась за испорченные свои щи, в которые ненавистные соседи бухнули пачку соли. Втянула ноздрями половину воздуха коридорного, выдохнула с шумом и прошипела Маше в ухо самое:

– Ну, сука мокрохвостая, ты меня еще запомнишь! На всю свою замызганную поганую жизнь запомнишь меня!..

Маша запомнила. На всю жизнь запомнила, как явились к ней впервые представители органов опеки, милиция, кто-то еще – скорбный и суровый, и как стыдили ее за то, что напилась, имея на руках младенца.

А она ведь и не пьяная тогда была совершенно, еще не злоупотребляла, работала даже, оформив сына в ясли. И выпила совсем чуть-чуть у подруги по работе на дне рождения. Гаврюшка с ней был, она никогда его одного не оставляла и к кровати не привязывала, как некоторые. Они только-только домой явились, она сына раздела, в кроватку уложила, а сама раздеться не успела. Ее с мороза в теплых вещах да в жаркой комнате и повело немного. И тут эти гости.

Говорили с ней недолго, строго, оставили копию какого-то протокола, будто предупреждение какое-то, и ушли. Маша тогда по наивности своей всерьез к этому визиту не отнеслась. Решила, что либо ошиблись, либо рейд у них какой-то и они во все квартиры заходят. И забыла даже. Но история повторилась еще трижды.

Именины у друзей случились с интервалами в месяц, две недели и пятнадцать дней. А потом визиты той же самой комиссии и написание таких же бумаг и точно в те дни, когда у ее друзей случились именины.

– Да вы что, очумели?! – попыталась она возмутиться во второй и в третий раз, когда от прозрачных намеков представители строжайшей комиссии перешли к явным угрозам. – Сами-то вы, что же, вовсе не употребляете?! В жизни не поверю! Сама обслуживаю зал в супермаркете, вижу, кто и сколько выпивки покупает! Вас же никто не проверяет, с чего ко мне-то повадились?!

Такое некорректное замечание с ее стороны оскорбило членов комиссии. Головы закачались с пущим осуждением. Писавший заключение комиссии застрочил с утроенной энергией. Сразу заметили отсутствие ремонта в тесной комнате. Старенький холодильник и телевизор не цветной. И шторы дешевыми, на их взгляд, в ее комнате оказались. О том, что в комнате чисто, в холодильнике полно еды, а подоконник за дешевыми шторами весь в цветах, не обмолвился никто. Метраж ее комнаты не устроил, на двоих будто бы тесно! А пройдись по коридору, третья дверь налево, там-то что? Там не тесно? Там Кузнецовы впятером на двенадцати метрах живут, и глава семьи через день пьяный.

Машу никто не услышал. Строго и в последний раз предупредили и ушли. Пятый их визит оказался последним. Последним для них с Гаврюшкой. Тогда она нарвалась на приглашение заведующей отделом бытовой химии, отмечавшей свой семейный юбилей. Отказать было нельзя. Обиды та не прощала.

И Маша приглашение приняла, притащив в подсобку и Гаврюшку. Выпили, закусили, потом снова выпили. Да, она перебрала немного. К тому же целый день на ногах с этой непрерывной выкладкой товара. Много ли ей было надо на голодный-то желудок? Развезло маленько. Добрались до дома, не успели с сыном вещи в шкаф убрать, как стук в дверь. И все…

После этого ее жизнь закончилась. Она бросила работу, потому что надо было следить за Звягинцевой. Перестала отнекиваться от назойливых приглашений, а чего не выпить, терять-то теперь нечего. Тем более что новые друзья и приятели оказались все сплошь с пониманием и сочувствием и разделяли ее жгучую ненависть к рыжеволосой суке, по милости которой она лишилась ребенка.

– А ты возьми и убей ее, Маш, – посоветовал как-то один из собутыльников. – Одной падлой на земле будет меньше. Пускай сына это тебе не вернет, но хоть спать станешь спокойно.

Спать она после этого разговора вовсе перестала. Все ворочалась с боку на бок и ворочалась, все прокручивала в голове варианты Маргаритиной смерти. То, что она должна быть ужасной, Маша не сомневалась. Но вот какой?

Она ничего не смогла придумать и приуныла. А потом еще эта страшная новость о том, что ее Гаврюшку желает взять на воспитание какая-то очень благонадежная семья.

– Разве это законно при живой-то матери?! – попыталась она качать права в кабинете директора детского дома.

– Тебя лишили материнства, – напомнила та и демонстративно принялась разгонять воздух возле своего носа.

Ну, был запах перегара, и что? С утра-то она ни капли, потому что знала, что пойдет с разборками к директрисе.

– Ты даже не попыталась исправиться, – снова упрекнула ее директриса и вздохнула. – Такое ощущение, Мария, что ты вообще с катушек сорвалась. До того, как мальчика у тебя забрали, ты так не пила.

– А я вообще не пила, понятно?! – заорала тогда Маша Гаврилова и всхлипнула. – Вы же знаете, что Гаврюшку забрали из-за того, что эта сволочь стучала на меня каждый раз, как я выпью.

– Вот! Вот! Сама призналась, что выпивала, – обрадовалась хозяйка кабинета, в который Маша ворвалась поутру.

– Это было очень редко, вы же знаете! – укорила ее Маша. – Сами небось тоже в праздники не отказываетесь пригубить.

– Ты это… Шла бы отсюда, пока я наряд не вызвала, – и, сердито поджав губы, директриса потянулась к телефонной трубке. – И мальчика твоего, кстати, никто не усыновляет, его берут на воспитание. Это сейчас сплошь и рядом.

– Да, сначала берут, потом возвращают, а ребенок страдает. – Маша медленно пятилась к двери, в самом деле испугалась ведь, что та вызовет милицию.

– Больше, чем с тобой, он страдать не будет, поверь мне, – добила ее директриса и махнула в ее сторону небрежно ладонью, приказывая убираться…

– Принесли его домой, оказался он живой, – монотонно, как молитву, повторяла детский стишок Маша, медленно передвигаясь по комнате.

Когда она в последний раз убиралась здесь, а? Кажется, еще при Гаврюшке. Да, точно. После того как его забрали, она ни разу не махнула здесь веником или тряпкой. Все загажено, засорено, горы грязного белья, цветы на подоконнике засохли, не отойдут теперь уже никогда. Надо бы прибрать тут все, да и себя отмыть бы не мешало. Даже забыла, когда нормально купалась. Как-то так получалось, что, когда она трезвой была, в ванную вечно очередь. А когда пьяная, то ей было не до омовений, скорее бы голову на диванный валик уронить.

Сейчас в квартире, кажется, вообще никого не было. Большинство работающих, рыжая сука – Марго – в их числе. Детишки по школам и детским садам. Пенсионеры свои старческие зады греют во дворе на скамейках, припекало прямо по-летнему. Сначала уборку сделает, решила Маша, а потом себя приведет в порядок. До пяти вечера, когда все начнут возвращаться домой, успеет.

Не успела! Не успела после всех дел нырнуть в нутро своей комнаты и запереться там, затаиться, забиться, как испуганный зверь в нору. Настигла ее поганая резвая рыжая баба, остановив прямо возле самой двери сначала окриком, а потом и рукой.

– А ну-ка стой, заморыш! – окликнула она Машу. – Ты рыло свое умыла, Машка?! Дайка гляну на тебя!

И ее длинные, тонкие пальцы – на Машин взгляд очень не подходившие грузной фигуре Марго – вцепились в Машин халат на плече.

– Глянь на меня, говорю!

Она с легкостью развернула ее на себя. Глупо было бы ожидать чего другого. В Марго девяносто килограммов живого веса было, да силищи немерено. А в Маше пятьдесят вряд ли оставалось теперь, да и ростом она была ниже.

– Ишь ты, и правда умылась! – оскалила Марго в противной улыбке ровный белоснежный ряд зубов. – Глянь, Сергуня, какие у меня тут девицы по соседству обретаются, не желаешь?

Сергуне было неловко за поведение Марго, это Маша почему-то сразу почувствовала. Он маялся у порога, старательно отводил глаза в сторону, хотя рассматривать в длинном темном

коридоре, куда он уставился теперь, было совершенно нечего. Старая стоптанная обувь возле каждой двери, пара велосипедных колес, висевших на стене.

Чьи были эти колеса? В их коммуналке вообще ни у кого велосипеда не было, а колеса висят. И висят здесь уже давно. Маша живет в этой комнате более десяти лет, а они так и висят. Потом еще календарь на стене пылился за девяносто девятый год прошлого столетия. Бесполезная бумага, которая даже ничего на стене загораживать не могла, никакого такого пятна, сама была засаленным пятном с рваными краями.

Нечего там было рассматривать, одним словом, а гость Марго все одно туда таращился.

– И глазищи у нее какие! – продолжала фальшиво восторгаться Марго, не выпуская старый халат Маши из пальцев, и вырваться бы, да ткань по шву пойдет. – Серые глазищи, надо же, необычно как. Все пьяная да пьяная, глаза мутные и мутные, а они у тебя ишь какие огромные и серые… Сережа, а ведь эта баба ребенка лишилась из-за пьянки своей.

И она с бесстыдным вызовом глянула Маше прямо в самое ее нутро, ноющее и плачущее всякий раз, как вспоминалось о Гаврюшке.

– Такой мальчуган был славный, а она его пропила, – продолжала измываться рыжая гадина, не замечая вовсе, с каким неподдельным недоумением смотрит на нее сейчас ее спутник. – А теперь вот прихорашивается. А зачем, Машка, ты прихорашиваешься? Еще одного ублюдка завести хочешь? Так и его заберут! Будь уверена, заберут! Я специально не съеду и постараюсь, чтобы забрали.

И вот тогда-то, не сдержавшись, Маша и выпалила то, о чем впоследствии ей пришлось пожалеть не один раз. И как поддалась на провокацию? Как не выдержала? Знала же, что все ее беды от этой злобной рыжей бестии. Знала, что не без ее звонков и хлопот отобрали у нее ее сына. Чего тогда взвилась-то? Зачем, отчетливо скрипнув зубами, выпалила, подавшись вперед:

– Ты скоро сдохнешь, гадина!!!

Выпалила, перепугав всех, кроме Марго. И себя перепугала страшным своим неожиданным заявлением. Даже спине сделалось холодно от этих слов. А губы будто льдом сковало. И Сергея перепугала, который не знал, куда ему деваться из этого коридора, длинным неопрятным чулком вытянувшегося на десять метров. Он даже попятился. Марго только не испугалась, заржав, как лошадь полковая.

– Ты, что ли, поспособствуешь, мышь церковная? – фыркнула она, брызнув слюной на полметра. – Мне плевать на твои угрозы, дура! Плевать! Я тебя не боюсь, и ты еще пожалеешь о том, что сказала…

Глава 2

Люди всякие нужны, люди всякие важны…

Нет, кажется, в том милом уютном стишке из ее славного детства было не про людей, а про мам. Или она что-то путает, или вообще такого стишка не было, и это лишь ее выдумки? Но как бы там ни было, может, не было, но вот с тем, что люди всякие нужны, люди всякие важны, Эмма Быстрова была категорически не согласна. У нее даже существовал тайный такой личный классификатор, куда она заносила всех знакомых и незнакомых ей людей. Не на бумаге он существовал, нет. И серьезности никакой не нес в себе вовсе. Скорее игрой это было. Только ее игрой и только по ее правилам. Ей не нужно было никого посвящать в свой секрет, это бы все испортило.

Во-первых, несогласных было бы великое множество. Во-вторых, каждый стал бы предлагать свой вариант игры. Все перепуталось бы, переиначилось, а ей этого не хотелось. Ей интересно группировать людей по их отличительным признакам, видимым и понятным лишь ей. У кого-то холерики, сангвиники, а у нее…

– Эмма Николаевна, – выдернул ее из неторопливых мыслей резкий голос ее секретаря, – Александр Иванович просит вас к нему подняться.

Эмма кивнула со вздохом, едва слышно прошептала в селектор – хорошо, и аккуратно пристроила карандаш на середине распахнутого блокнота.

К Александру Ивановичу, если честно, без пяти минут шесть идти не хотелось. Сейчас надает ей заданий, а завтра с утра пораньше начнет с нее спрашивать их выполнение. Она их, разумеется, не выполнит, и сразу по нескольким причинам. Во-первых, его задания вообще к ней никакого отношения не имели, во-вторых, все уже почти разошлись по домам, и пытаться собрать сотрудников заново сейчас – бесполезный труд. И главное – она принципиально не станет ничего делать за эту рыжую Маргариту.

Настолько зарвалась и обнаглела эта беспардонная гадина, что, перебрасывая ее несколько дней подряд из одной группы в другую в своем тайном классификаторе, Эмма вдруг с ужасом обнаружила, что Марго там вообще нет места. Это было настолько страшно, что Эмма, помнится, весь вечер после неожиданного своего открытия просидела дома перед выключенным телевизором и без света.

Марго оказалась как раз тем человеком, который совершенно никому не важен и не нужен. Она была бесполезной! Она была лишней! Она была гадкой, в конце концов. И как быть?..

– Эмма Николаевна, извини, что дернул тебя так поздно, – рассеянно проворчал Александр Иванович, когда Эмма неслышной поступью вошла к нему в кабинет. – Но тут такое дело…

Конечно, дело! Без дела не позвал бы! Он не такой, как другие! Он не станет заигрывать с секретаршей, заводить роман со своим заместителем по общим вопросам, в должности которого трудилась Эмма вот уже три года. Он…

Он был настоящим, этот молодой еще, в сущности, мужчина. Тридцать семь лет разве возраст для мужчины? Цельным, крепким, надежным, как громадная гранитная глыба. За таким и в радости, и в горе – не обременительно и не страшно. Он был Глыбой, этот мудрый, порядочный, сильный человек – Марков Александр Иванович. И никем другим он для Эммы никогда уже не станет, что бы ни произошло.

– Эмма… – он покатал ладонью по столу авторучку и глянул на нее с несвойственной ему просительностью. – Выручишь, нет?

– Да что случилось-то, Александр Иванович?

Она не понимала его поведения. Не знала, как правильно реагировать. Ведь если он станет просить ее сделать что-то за Маргариту, это одно. Тут она повиляет, туману напустит, да так и не пообещает ничего. А если нет, то это в корне все меняет. Она готова! Она для него на все готова!

– Ничего не случилось, – он суеверно и осторожно потрогал крест на груди под серой в клетку сорочкой. – Почему сразу что-то должно случиться? Нет, просто… Нужно встретить одного человечка.

– Когда?

Эмма вспыхнула.

Начинается! Делами по связям с общественностью как раз и занималась Маргарита Шлюпикова. На ней лежало все, что касалось встреч, конференций, проводов и так далее. Всем остальным, включая производство, ведала Эмма. Так неужели то малое, за что Шлюпиковой платили такие большие деньги, она не может выполнить?! Почему всякий раз без пяти минут шесть этой рыжей гадины не оказывается на работе? Почему всегда Александр Иванович вынужден прибегать к помощи своего первого заместителя? Потому что второго вечно нет на месте?

– Не кипятись, Эмма Николаевна. – Марков дотянулся до ее ладошки и погладил по-товарищески. – Маргариты нет на месте, успела отпроситься, рыжая бестия. Но… Но знаешь, может, и к лучшему, что ее нет на месте.

– То есть? – Эмма на всякий случай убрала руку со стола, неловко как-то, когда тебя поглаживают, как кота за ухом.

– Понимаешь, приезжает, а точнее, прилетает один мой хороший знакомый. У нас с ним кое-какие общие давние дела. Его необходимо встретить в аэропорту и устроить в гостиницу. И все!

– И все? – Она усмехнулась. – Почему не она, Александр Иванович? Самолет во сколько? Не отвечайте, попробую угадать… Да! Он прилетает как раз в то время, на которое у меня куплены билеты в театр. В кои-то веки собиралась сходить туда с подругой!

Про билеты в театр соврала, разумеется. Соврала, чтобы он осознал, насколько виноват перед ней и насколько зарвалась Шлюпикова, посещающая рабочее место в последнее время все реже и реже.

– Ну прости! – улыбнулся Марков, сразу все поняв про ее маленькую ложь. – Даже если бы она и была на работе сейчас, я бы не доверил ей встретить этого человечка.

– Что так?

Эмма подобралась. Однажды она уже выполняла одну деликатную просьбу шефа, после которой его жена дулась на нее полгода.

Нет, ну додумался послать ее встретить его тещу! Та поначалу ее все взглядом ощупывала, будто место поуязвимее искала, куда больнее укусить. А потом пристала с глупыми вопросами.

И почему это Сашенька ее сам не встретил? И что произошло между ним и ее дочерью, если он таких красавиц присылает тещу встречать? Это он нарочно так, да? Умышленно, чтобы они себя уязвленными все посчитали, так ведь?

Эмма не знала, куда деваться. Сначала улыбалась. Затем улыбка превратилась в нервную гримасу. А под конец не выдержала и, кажется, нагрубила. Нет, ей-то так не казалось вовсе. Это теща Маркова так преподнесла ему.

– Что, опять?! – не дождавшись ответа, Эмма нервно повела плечами. – Только не это, Александр Иванович!

– Да нет, нет, не пугайся. – Марков спрятал смешок в пригоршню. – Это не теща, и вообще не родственник моей жены. Это просто очень хороший мой знакомый. Давний знакомый!

– Понятно… – она помолчала, затем решила уточнить: – Но почему все же я, а не она?

– Он слишком хорош для нее, Эмма, – признался нехотя Александр Иванович. – Знаешь ведь ее, вцепится клещом, не оторвешь потом. А у нас сложный, важный вопрос. Он мне здесь вот нужен, – и Марков постучал ребрами обеих ладоней по своему столу. – А не у Марго в койке! Сама знаешь, она – хочет он или не хочет – потащит его туда!

Что правда, то правда. Марго была не просто ненасытной, она была до безобразия навязчивой. Многие из мужчин, пройдя ее кроватное горнило, плевались потом и брезгливо морщились. Но ведь ни один не отказался! Ни один! Кроме вот разве Маркова. Но он – это отдельный разговор. Он свою Сашку – жену – любит до потери сознания. И кажется, с годами ничуть не меньше любит ее, а, наоборот, сильнее, что бы там социологи про трудности среднего возраста и критические фазы совместного проживания ни утверждали.

Так вот в чем дело! Хочет своего друга уберечь от рыжеволосой потаскухи? Ну-ну…

– Ладно, – вздохнула Эмма будто нехотя. – Встречу. Но хочу предупредить, Александр Иванович, стеречь потом я его не намерена.

– Хорошо, – кивнул он с благодарностью. – Я всегда знал, что на тебя можно положиться, Эмма.

– Как я его узнаю? Не с табличкой же мне стоять.

Привлекать к себе внимание Эмма не любила. Не то чтобы старалась быть незаметнее, но не торчать же с табличкой в аэропорту. Шутников полно. Начнут нарочно называться, подходить, пытаться познакомиться.

Марков рассмеялся и полез в стол, достал фотографию и пододвинул ее на край стола.

– Вот, посмотри. Снимку год. Тогда и виделись с ним в последний раз. Не думаю, чтобы он мог сильно измениться за триста шестьдесят пять дней.

Гнедых Кирилл Андреевич ничуть за год не изменился. Так же был хорош собой, статен и пригож.

Жеребец! Тут же окрестила его Эмма, втиснув мысленное досье на него в свою несуществующую наяву картотеку именно под этим рубрикатором. И фамилия очень подходящая, позлорадствовала она, пожимая протянутую руку. Того и гляди заржет и копытом бить станет.

Кирилл копытом бить не стал и ржать, разумеется, тоже. Он с ней почти и не разговаривал. Справился, где лучше всего остановиться. Доехал на ее машине на заднем сиденье, без конца разговаривая с кем-то по телефону. Поблагодарил возле стойки администратора, куда Эмма его вызвалась проводить. И даже потом ни разу на нее не оглянулся, уткнувшись в анкету. Она специально наблюдала за ним, когда шла к огромным стеклянным дверям. Не оглянулся!

Интересно, а как бы он повел себя с Марго? Так же был бы важен и холоден или уже в машине позволил бы ей залезть себе в штаны?

Господи, ну почему она об этом думает? Почему?! Неужели ее уязвило его равнодушие? Неужели задело то, что он не сел в машину с ней рядом, а предпочел ехать сзади?

– Да ну его! – вспыхнула Эмма, выворачивая со стоянки перед гостиницей. – Сегодня я его видела в первый и последний раз. И больше о нем не вспомню!..

Заявление оказалось преждевременным. Она не только вспомнила о нем, когда заваривала себе чай с мятой перед сном. Она к тому же достала его фотографию из сумочки. Поставила ее на стол перед собой, оперев о высокую фарфоровую сахарницу в божьих коровках. И совершенно неожиданно для самой себя принялась вдруг разговаривать с портретом Гнедых Кирилла Андреевича.

– Вот скажи, что в тебе хорошего, а? – задала Эмма первый вопрос, внимательно рассматривая красивое мужское лицо. – Ну, черты лица у тебя правильные. Ну… Даже допустим, что красивые черты лица, Кирилл Андреевич, и что с того?! Разве это делает тебя лучше остальных? Лучше… Да хотя бы лучше Маркова разве тебя это делает? Нет! Нисколько ты его не лучше, хотя по внешним данным ты, возможно, и превосходишь его. Да, ты повыше. Несомненно, физически сильнее и фигура у тебя нормальная для твоих лет.

Лет-то Гнедых было не больше, чем Маркову, но почему-то Эмме хотелось считать его стариком.

– Но все равно! – продолжила она кипятиться, осторожно прихлебывая ароматный несладкий чай из любимой стеклянной черной чашки. – Что в тебе такого, что может отличать от остальных? Ничего же нет! Ничего, кроме смазливого лица и атлетически сложенной фигуры. Внутри-то… Внутри-то ты наверняка весь насквозь прогнивший, Кирилл Андреевич! Я не физическое гниение имею в виду, учти! Я о нравственности. Ты ведь стопроцентно ничего о ней не слышал. Неспроста же меня послали тебя встречать, не допустив до рыжей. Марков тебя знает и понял сразу, что если ты к ней попадешь в лапы, то выберешься уже не скоро. А у него к тебе дело. А все почему? А все потому, что ты, как все красавцы, весьма и весьма доступен! Скажи, Кирилл, это вас всеобщее поклонение делает такими доступными, мягкотелыми и морально рыхлыми, а? Ты ведь такой же, как он! Ты ничуть не лучше, хотя и пытался заморочить мне голову своей надменностью. Это все, как говорил мой бывший – кстати, тоже из таких же вот красавцев, – это все понты! О! Он знаешь сколько всяких подобных слов знал! И каждый день словарный запас его все приумножался и приумножался. И он даже меня пытался выучить своему языку. И злился, что обучение не удается. И иногда злился до такой степени, что поднимал на меня руку, Кирюша. Не больно бил, нет. И синяков никогда не оставлял. Обидно было очень от его подзатыльников! И я при этом… Я чувствовала себя при этом таким беспомощным ничтожеством, что… Что совершенно отчетливо не хотелось жить в такие моменты, да…

Протянув дрожащие пальцы к фотографии, Эмма вдруг схватила ее, скомкала до величины небольшого шарика и зашвырнула в угол.

– Пошел ты! И все вы пошли куда подальше! И ты! И точная твоя копия – мой бывший ненаглядный – пускай тоже катится куда подальше! И вообще!.. Не нужны вы мне никто! Я великолепно справляюсь с ситуацией и одиночеством.

Она снова врала. Теперь уже не Маркову, а себе. Ему она сболтнула про билеты в театр, куда намеревалась будто бы идти с подругой. Себе лгала чуть серьезнее и масштабнее.

Она ни с чем не справилась, ни с чем! Ей было плохо одной, ей было плохо без него! Она понимала, что человек, которого она выставила за дверь, отвратительный, мерзкий, подлый, он…

Он и не человеком даже был вовсе, а огромным мыльным пузырем. От которого, когда тот лопнет, ничего, кроме мыльного плевка на асфальте или у кого-нибудь в душе, не остается. Как вот у нее, к примеру. У нее вся душа была покрыта мыльными плевками, оставленными Андреем, и они до сих пор болезненно зудели и беспокоили ее.

Сколько они прожили вместе? Чуть больше года, да. А точнее – год и четыре месяца. И все это время ничтожество по имени Андрей только и делало, что пыжилось, раздувалось, лоснилось и искрило на солнце радужными боками. Его бросало и кидало из стороны в сторону то одним, то другим воздушным потоком. Он метался, взлетал, перепрыгивал, а потом бац, небольшое препятствие и очередной мыльный плевок. Недели две затишья, и потом снова…

Эмма устала от него настолько, что однажды, наплевав на неизбежное одиночество, взяла и выставила Андрея за дверь.

– Ты чего? – растерянно моргал красавец, попавший в штанину только с третьей попытки. – Чего расшумелась? Нам же хорошо было вместе, чего ты?

– Вместе?! – возмутилась тогда она. – А мы были вместе?! Ты летал, метался, порхал, а я всего лишь была наблюдателем. Мне ты доставался лопнувшим, как…

Она замолчала, поняв, что Андрей ничего не понимает, он же не знал про ее тайную канцелярию.

– Чокнутая ты все же, Эмма, – подвел он черту под ее претензиями. – Сначала одно говоришь, потом другое. Попробуй угоди тебе!

– Что я говорю? – Она не могла вспомнить, в самом деле, когда он пытался угодить ей.

– То ты заявляешь, что не хочешь меня видеть, когда я в загуле. Потом тебе не нравится, что я не появлялся неделю. Я же для тебя старался, – все еще пытался оправдаться Андрей, натягивая на совершенный загорелый торс белую футболку. – Как тебе угодить, не пойму?!

– А без загулов нет, никак? Не пробовал без них пожить нормальной человеческой жизнью?

– Это какой же человеческой-то? Такой, какой ты живешь? – скривил красавец Андрюша рот, будто лимон сожрал только что. – Так то не жизнь, Эмма. То скука смертная.

– Жить нормально, по-твоему, скучно? А скитаться по кабакам в обществе сразу пяти «телогреек» – так Эмма называла его подруг по загулам, – это нормально?!

– Это весело! – И мерзавец взял и подмигнул ей, снова прямо на ее глазах раздуваясь огромным мыльным пузырем. – Это классно! Это адреналин! Я уйду, конечно, без вопросов, но потом не зови. Ни за что не вернусь, так и знай.

– Не позову, – пообещала Эмма.

В тот момент она и впрямь думала, что избавление от постоянных моральных пыток наступит как раз в тот момент, когда за Андреем закроется дверь. Ей и в голову не могло прийти, что ей будет без него так худо, что придется выть и грызть угол подушки, мокрой от слез.

Она думала, что все пройдет гладко, она со всем справится и при этом не понесет никаких потерь. Она ошиблась. Жестоко ошиблась. Гладко не прошло, было очень больно. Потерь будто бы не было, но не случилось и никаких приобретений. Она осталась одна.

– Опять?! – ахнула ее мать, когда она в очередной воскресный свой визит к ней рассказала о том, что порвала с Андреем. – Опять одна!!! Чем Андрюша-то тебе не угодил, детка? Красивый, милый мальчик. Помогал тебе по хозяйству, на руках носил буквально. Чем он стал плох? Марка ты выставила, потому что тот казался тебе излишне занудным и чрезвычайно занятым своим бизнесом. Сергей был слишком прост. Но Андрея-то ты полюбила!

– Полюбила, – покивала Эмма. – А теперь разлюбила.

– Врешь! – не поверила мать. – Ты просто из упрямства своего спровадила его и из ревности.

– И из ревности, – не стала она снова спорить. – Я устала просто, ма, вечно ждать его.

– Так было хотя бы кого ждать, – возразила мать с грустью. – Он не пил, не дрался…

– Он и пил, и подзатыльники мне отвешивал, – вставила Эмма. – Просто когда пил, дома не появлялся. Мотался по городу со своими «телогрейками». Нет, это не жизнь, мам.

– Да, это не жизнь, – эхом отозвалась мать. – Но и одной худо, дочка. Очень, поверь мне. Я полвека одна. Ничего хорошего нет в одиночестве, ничего. Может, тебе надо было быть с Андреем помягче как-то, поласковее. Неспроста же он с этими, как ты говоришь, с «телогрейками» путался. Где-то что-то ты недоглядела, где-то недолюбила. Может, пора научиться прощать, а, Эмма?..

Может, и пора, только она не умела. Не умела и раньше, а после разрыва с Андреем и вовсе ожесточилась.

– Прощать вас! – фыркнула она со злостью и покосилась в тот угол, куда отправила тугой комок из фотографии Гнедых Кирилла Андреевича. – А вы?! Вы кого-нибудь прощать умеете? Или вам вообще ни до кого нет дела?!

Глава 3

– Слышь, Серега, нет, ты все же расскажи, как это у тебя получается?

Давний приятель Валентин, которого он вытащил из детства своего сопливого, потому и терпел, сидел напротив с бутылкой пива и глумливо улыбался вот уже минут десять.

– Что получается?

Сергей сосредоточенно крутил ручку мясорубки, пытаясь вспомнить, что сегодня ему так не понравилось, что так сильно задело и не давало покоя до сих пор.

– Ну… – Валентин подергал плечами. – Баб снимать, как у тебя получается? Что ты для этого делаешь?

– Ничего не делаю. – Сергей поморщился, с отвращением вспомнив сегодняшнее свидание. – Они сами все делают.

– А ты?

– А я? А я просто не возражаю.

– Офигеть! Мне бы так! – Валентин внимательно оглядел друга, занятого приготовлением фарша для котлет. – Ты, конечно, по бабьим меркам, хорош, но вот по мне, так надо бы тебе быть повыше.

– Мне хватает. – Сергей ухмыльнулся. – Им, кстати, тоже.

– Да уж вижу. – Валентин вылил в рот пивные остатки из бутылки, встал со стула, на котором сидел, подошел к окну и мечтательно произнес: – Да… Мне бы так, как тебе. С кем захотел, с тем и пошел!

– А не думаешь, что иногда бывает наоборот? – Сергей сгреб фарш с решетки мясорубки, примял его в тарелке ложкой. – Что тебе приходится идти даже с тем, с кем идти не хочется. Только потому, что тебя выбрали. Потому что твоя физиономия кому-то понравилась. Им на душу твою плевать, им тело нужно.

– Так и пользуйся моментом, – возмутился Валентин. – Чем больше баб, тем…

– Тем противнее, Валек, поверь. Взять хотя бы сегодняшний случай… Если бы не спор с тобой, я бы никогда в жизни!

– Зато ты теперь с работой, и с какой! – одернул его друг. – Мне о таком месте даже мечтать не приходится. А ты пошел с ней ради забавы, а поимел новую работу. Высокооплачиваемую работу!

– И что хорошего-то?

– А что плохого? – не понял Валентин, усаживаясь на подоконник. – Подумаешь, тетка ему не приглянулась! Зато она тебя теперь к себе возьмет и…

– И станет жить в моих штанах, – поморщился Сергей, вытаскивая из миски размоченный батон. – Надоело, Валек, поверь! Сначала, когда с девушкой своей расстался, как заведенный это делал. Думал, ей назло. Вот, думаю, ты мной побрезговала, а я и с этой, и с той…

– Доказать ей хотел? – понял друг, покивав со значением. – Доказал?

– Не-а, она в мою сторону больше не смотрела ни разу. Другого себе нашла.

– Нашла лучше тебя? – не поверил Валентин.

– Уж лучше или хуже, не знаю, но нашла.

– И че, счастлива с ним?

– Нет, вроде и с ним не ужилась.

– Ничего себе! Такая стерва? – Валентин покрутил головой, выглянул на улицу из окна. – Какого же мужика ей надо?

– Да не стерва она. Нормальная, просто понять не может ни себя, ни того, кто с ней рядом. Или не влюбилась еще по-настоящему. – Сергей взял терку и начал тереть на ней чеснок. – Я-

то сильно был в нее влюблен. Думал, что все – с этой навсегда. Когда она мне на дверь указала, чуть с ума не сошел.

– С ума он чуть не сошел! – заржал Валентин, застучав по подоконнику. – Так тебя тут же утешать принялись. С чего ума-то лишаться?

– Думаешь, от этого сойти с ума нельзя? – Он покосился на друга детства и вздохнул: – Достали они меня, Валек.

– И что теперь делать станешь?

– Работать, – фарш лип к рукам, не желая хорошо вымешиваться, это злило. – Стану работать в фирме этой медузы. Стану флиртовать с ней на глазах…

– Так, так, так, – тут же прицепился Валентин. – Это что же получается, а? Получается, что твой сегодняшний выход был тобой заранее спланирован, так, что ли?

Сергей промолчал, жалея, что проговорился неосторожно. А Валентин неожиданно разобиделся.

– Какого хрена я тебе тогда три сотни отдал, а? Ты же заранее все знал! И бабу эту знал, и где она работает, знал. Чего тогда спорили-то с тобой? Так нечестно, Серега, отдавай деньги обратно.

Три сотни он вернул, не мелочиться же из-за них до ругани. Да и прав был Валентин: сегодняшнее свидание с Маргаритой Шлюпиковой он тщательным образом подготавливал, заранее спланировав все, все, все, включая неосторожное движение своим правым локтем.

Да, он все продумал. Да, он все спланировал. И был практически уверен в успехе. А спор с Валентином…

Да так, что-то под ребро кольнуло, вот и предложил на спор окрутить в два счета высокую рыжеволосую тетку, лихо разъезжающую по городу на своем «Лексусе».

– Она тебя близко к себе не подпустит, не смотри, что ей за сорок, – тут же возразил друг. – Она из этих, как их… Бизнес-леди. У нее такого добра, как ты, вязанками по углам стоят. Нет, Серега, ничего у тебя не выйдет. Не твоего поля ягода.

Он знал, что все выйдет. Все пройдет как по маслу. Маргарита, так звали тетку на «Лексусе», очень любила мужчин. И любила красивых, темноволосых мужчин. И не просто любила, а жаждала заполучить каждого красавца, о которого спотыкался ее блуждающий в поиске взгляд.

Сергей был из числа тех, к кому Маргарита не могла остаться равнодушной. Он был почти уверен, что она не обойдет его своим вниманием. Главное было, попасться ей на глаза. Еще лучше, если возникнет диалог. А еще лучше, если поводом для этого диалога послужит какой-нибудь курьезный случай.

Он его и состряпал так же, как стряпал сейчас котлеты. Неторопливо, продуманно, со знанием дела. Он подстерег Маргариту на стоянке возле магазина, где она ежедневно пополняла запасы продовольствия. Медленно начал пятиться на нее от бордюра, потом будто нечаянно задел ее локтем. Да так задел, что выбил у нее из рук пакет. Содержимое рассыпалось по земле. Маргарита мгновенно раскрыла рот для брани, но заглянув в его глаза, сразу в них утонула.

– Ничего страшного, молодой человек, – залопотала она. – Придется еще раз сходить в магазин. Не подбирать же с земли это!

Он, как и подобает приличному молодому человеку, тут же вызвался ее проводить, а потом и заплатить за все покупки, чтобы возместить ущерб. Они долго и смешно препирались у кассы. На них начали орать из очереди. Расплатились и, ухватившись за руки, почти бегом помчались к двери, давясь от смеха.

Маргарита ликовала.

Сергей снисходительно хмыкал про себя. Все шло по плану. Ведь даже этот смех был им предугадан.

Потом все погрузили в машину. Поехали к ней домой и…

Вот! Вспомнил! Вот что его сегодня покоробило и отравило весь триумф.

Оказалось, что Маргарита сейчас не живет в своей большущей квартире в центре города. Там у нее шел ремонт с перепланировкой, переделкой полов и заменой всего, что только можно было заменить. Ремонт был бы давно закончен, имей Маргарита не такой сволочной характер, которым обладала. Она ухитрялась собачиться с каждой бригадой строителей и выгоняла их уже через три-четыре дня после того, как они приступали к работе. Но почему-то после ее продолжительного, нудного рассказа Сергей заподозрил в непрофессионализме строителей некий подвох.

– Они, что же, вообще за это время ничего не успевали сделать? – поинтересовался он будто с возмущением.

– Ну почему же? – Маргарита дергала полными плечами. – Позволю я им сидеть сложа руки, как же! Что-то да делали.

– И сколько получали от оговоренной суммы?

– Ага, щас! Кукиш с хреном им, а не деньги! – И смачный кукиш заплясал у Сергея перед носом.

Вот, собственно, что и требовалось доказать! Медленно, черепашьими темпами, но ремонт в ее квартире продвигался. Причем совершенно бесплатно!

Хитрая рыжая бестия!

А пока шел ремонт в таком непозволительно авантюрном ключе, Маргарита снимала комнату в огромной квартире. Квартира эта принадлежала бывшему военному и когда-то была коммунальной. Он ухитрился пережить или выжить всех соседей, сам стал собственником, но неожиданно жить в ней не стал.

– Мне эти стены омерзопакостили настолько, что выть на них хочется, – пояснил он Маргарите, вручая ей ключ от комнаты. – Пускай люди поживут пока…

И люди жили там уже больше десяти лет. Как, к примеру, одна из соседок Маргариты. У которой та умудрилась отобрать ребенка. Не сама, конечно, а посредством службы опеки, но отобрала.

– Будет знать, сука, свое место, – фыркнула Маргарита, поясняя ему сегодня странное поведение, и свое, и соседки. – Нашла на кого пасть разевать! Вот погоди, я ее еще в тюрягу упеку, тогда вот только успокоюсь.

– В тюрьму-то за что? – тихонько возмутился Сергей, с неохотой поглаживая белокожий толстый бок Маргариты. – И как это у тебя получится?

– В тюрьму-то? Да хотя бы за то, что она сегодня при свидетелях мне угрожала! Угрожала же, Сергунчик? Ведь так и сказала, что я скоро сдохну. Вот за это самое ее туда. А как, спрашиваешь? Да элементарно. Ради такого случая я готова даже собственную башку под удар подставить, лишь бы ее в тюрьму отправить.

– Башку под удар?! – Он опешил. – Это как же?

– А так! Подговорю какого-нибудь урода по голове меня несильно шарахнуть и заявлю на нее. Скажу, что это она мне смерти желала, вот и покушалась. Много не дадут, конечно, но года на три полетит в застенки белым лебедем, – и Маргарита еще раз с нажимом напомнила: – Тем более что свидетели ее угрозам имеются. Так ведь, красавчик?

– Свидетели – это я, что ли?! – Он чуть не поперхнулся густой, тошнотворной слюной, которой моментально наполнился рот.

– Ты, ты, а кто же еще?

И Маргарита, тут же позабыв про соседку и про то, что посредством его свидетельской помощи собирается ее упечь за решетку, потянула Сергея на себя.

Вот такая у него сегодня вышла неприятная история с этим хорошо спланированным свиданием. И не столько от подлости Маргариты было неприятно, сколько от жалости. Ведь жаль Сергею стало той церковной – как назвала ее Маргарита – мыши. Очень жаль!

Она стояла – Машей, кажется, ее называла Маргарита, – вжавшись в серую стену, которую никто давно не красил, не белил и не переклеивал. И цветом почти слилась с этой стеной. Серый затасканный халат, серое, плохо выстиранное полотенце на голове, землисто-серого цвета лицо с сизыми полукружьями под глазами. И глазищи тоже серые.

«Будто однажды где-то во сне он прислонился к серой стене», – тут же вспомнилась Сергею детская песенка.

Так вот Маша тоже будто посерела в одночасье от того, что жалась напуганно к серой коридорной стене старой коммунальной квартиры. Она слилась с ней по цвету, и если бы не глаза, полыхающие болью и ненавистью, то ее точно можно было бы принять за фрагмент этого унылого коридора.

И потом она сказала эти страшные слова, от которых Сергею сделалось не по себе. А Маргарита после развивала эту тему очень долго, отвлекаясь лишь на то, чтобы пользовать свою новую симпатию.

– Завтра с трудовой книжкой приходи ко мне в фирму. Трудоустрою за пять минут, – пообещала она, провожая его до двери.

Он знал, что она как сказала, так и сделает. Неспроста же он собирал о ней информацию, многое разузнать удалось. Баба – кремень на слово. Вот оттого-то теперь и скребли на душе кошки.

Ведь если она не привыкла бросать слов на ветер, то и насчет сероглазой Маши все серьезно. Она точно решила ее посадить в тюрьму. И она посадит!

Надо как-то…

Нет, нужно что-то предпринять. Как-то предупредить эту сероглазую Марию. За какой хрен ей в тюряге гнить? Только из-за того, что кого-то в чем-то уязвить получилось? Нет, надо предупредить. Жалко Машку-то!

Только нужно быть очень осторожным. Нужно подкараулить эту сероглазую во дворе и рассказать ей о планах Маргариты. Ну и еще попросить ее держать этот разговор в тайне. Не дурой она Сергею показалась, не сдаст его за добрые дела. Маргарите на глаза попадаться никак нельзя. Если увидит и заподозрит что-то неладное, тогда все – конец. Она его не то что на работу не возьмет, она его из города выживет, с нее станется. А этого он позволить себе никак не мог. У него планы. Далекоидущие планы и на Маргариту, и на новое место работы, куда ему без нее дорога заказана.

– Слышь, Валек, мне тут уйти надо. – Сергей обобрал с пальцев мясной фарш. – Давай до завтра, идет?

– А как же котлеты, Серый? Ты же обещал!

Валек жил в соседнем подъезде с ослепшей лет десять назад старой бабкой. Готовила та как попало. Он вообще к плите не подходил, испытывая к этому занятию чувство глубочайшей непереносимой неприязни. А Серегину стряпню просто обожал.

– Так, как готовишь ты, Серый, так ни одна баба не приготовит, – приговаривал он всегда, когда хлебал его борщ, к примеру. – Тебе и жениться не надо.

– Почему?

– А зачем тебе жена? – совершенно искренне изумлялся друг. – Ты сам все умеешь!

– Сам я не могу избавиться от одиночества, Валек, – резонно возражал тогда Сергей.

– Одиночество! – фыркал тот недоверчиво. – Что такое одиночество? Человек не может быть одиноким, когда вокруг него столько народу!

А вот с этим Сергей мог бы долго и с надрывом спорить. И еще мог поведать другу Валентину, чем страшно одинокое детство, почему отвратительно одиночество в юности и чем

пугает одиночество в старости. О-о, он об этом много знал. И долго мог рассказывать. Очень долго. Жаль, что слушателей до сих пор не нашлось. Эмма не захотела…

Глава 4

– Санек, ты проснулась?

Марков потолкал задом жену. Та засопела, заворочалась, забормотала что-то неразборчивое и снова затихла.

Значит, спит. Или притворяется. Знает, что, едва проснувшись, непременно надо будет выполнять какую-нибудь мужнину просьбу. Он их с утра раздавать горазд. На работе приказания раздавал. Дома просьбы, но они мало чем отличались от приказаний. Что там, что дома отказа не терпелось.

Да ему и отказать было сложно. Попросит так, что ноги у Александры сами из-под одеяла высовывались, падали с кровати, нашаривали тапочки и несли не проснувшееся еще тело с одуревшей со сна головой в кухню. А там либо кофе варить приходилось, потому что любимый муж Александр Иванович Марков кофе в постель запросил. Либо кефир с сахаром разбалтывался интенсивно, чтобы сахар потом у него на драгоценных зубах не скрипел. Либо омлет в спешке готовился. Ну вот захотелось ему омлета горячего с румяной корочкой. Вот желал он прямиком из постели плюхнуться за стол и уткнуться неумытой физиономией в тарелку.

Желания каждое утро бывали разными. Просилось все разным тоном. Она уже научилась распознавать степень тяжести при выполнении его капризов.

Если тон обычный – просьба пустячная. Если чуть виноватый, значит, придется что-то готовить. Ну, а уж ежели поскуливать начинает дорогой супруг и носом за ухо к ней тыкаться, то придется и побрить его в кровати. Да, и такое бывало. И не раз. И делалось ею это, между прочим… с удовольствием.

– Сане-еек, малыш, ты ведь проснулась, – заскулил, заскулил любимый. – Ну чего притворяешься, а?

– Чего тебе? – прошептала она, как обычно, и как обычно, улыбнулась в подушку.

– Кашки хочу, – простонал Марков и полез левой рукой под одеяло, пытаясь настигнуть ускользающую жену. – Овсяной, Санек. Сладкой, с изюмом. Сделаешь?

– Уже лечу.

Она спустила ноги с кровати, но Марков тут же поймал их и вернул обратно.

– Ты чего? – будто изумилась Александра, хотя прекрасно понимала – чего он.

– А ты чего? – шепнул он ей в ухо. – Не спеши так.

– А как же кашка? Овсяная, сладкая, с изюмом? Марков, ты выбиваешь меня из графика, – она шутливо шлепнула его по руке, ведущей себя довольно нагло. – Я не успею подать тебе завтрак в постель.

– Ты себя мне подай в постели, милая! – строго прикрикнул он на нее, но не громко, правда. – А кашка… Да подождет она, Санек. Иди ко мне…

Завтракали они вместе часом позже. Не рассчитал Марков свои аппетиты, сначала долго из постели ее не отпускал. Потом к овсяной каше еще и мяса запросил. Пришлось повозиться. К столу уселась взлохмаченной, с вспотевшим, раскрасневшимся лицом. И занервничала тут же. Не любила она такой наседкой перед мужем появляться. Уже скоро двадцать лет их отношениям, а она все равно ему на глаза старалась попадаться только причесанной и опрятной.

– Эй, Санек, ты чего нервничаешь? – тут же безошибочно угадал Марков ее настроение. – Кудряшки у нас выбились из прически, так, что ли?

– Саш, отстань, – отмахнулась она, ниже нагибаясь над тарелкой.

– Ээ-эх, дуреха. – Марков улыбнулся и легонько тюкнул ее по носу пальцем. – А я так люблю твои кудряшки, Санек. Люблю, когда ты у меня такой вот растрепыш. И вообще, я тебя всякую люблю!

Марков не лукавил. Он в самом деле любил свою Саньку с семнадцати лет. И с каждым годом, кажется, любил ее все сильнее. Юношеская пылкость заматерела, чувства стали глубже, четче обозначились их контуры. Все для него сделалось давно предельно ясным и понятным: он любит свою жену и будет любить ее вечно. Может, это и несовременно. Не в духе, так сказать, времени. Да, он старомоден! Многие знакомые поменяли своих законных спутниц на молоденьких. Петушились перед ними, хвосты распускали. Принимались посещать танцзалы. Молодежные вечеринки. Усиленно делали вид, что это их вполне устраивает, и это все как раз то, чего они и ждали от новых отношений. Со старой женой все было не так, с ней все приелось, набило оскомину. А тут-то, а тут! Все фонтанирует, все искрит, бурлит и плещется!

Фальшивили, нет?..

А он вот так не хотел. Его все устраивало в Саньке, все. И даже тот самый средний возраст, которого она так страшилась и приближение которого уже как будто было не за горами, Марков тоже любил. Пускай жена немного поправилась, его это устраивало. Пускай морщинки у себя вокруг глаз находила, он только пошучивал. Он любил ее всю: от пяток до растрепанной макушки, со всеми ее новыми складочками, морщинками, лишними граммами. Любил ее брюзжание, любил беспечную болтовню, хлопоты и ничегонеделание. Ему хорошо с ней было: мило, удобно, комфортно, счастливо. И совсем у него не было тяги к какой-нибудь молодой красотке с плоским животом и грудками торчком. И вовсе не хотелось тащиться через весь город к какой-то ее подруге Маське, и только потому, что у той тусняк сегодня соберется – отпад просто. А еще Лева приволок из-за бугра кучу обалденных шмоток, надо бы порыться.

Бр-рр, что за жизнь!!! Марков не хотел танцзала, не хотел отпадного тусняка и в обалденных тряпках рыться не хотел.

И еще зимой не хотелось Маркову ехать на горнолыжный курорт из-за того лишь, чтобы молоденькая киска показала там свои новые цацки и покрутила подолом новой норковой шубы.

– Ты чего, Кирюша, мы же договаривались у матери твоей на Рождество быть?! – изумился Марков, когда Гнедых сразу после Нового года промямлил ему в телефон о поменявшихся планах. – Она же расстроится очень. Ты чего, а?! И Санька планов настроила. Ей дом твоей матушки очень нравится. Красивейшее же место, Кирюша! И на лыжах там с гор катайся, не хочу!

– Понимаешь, Саша, тут такое дело… – вздохнул Кирилл виновато, – Ляля просит отвезти ее, сам знаешь куда. Она там ни разу не была, так что…

Ну почему как молодая длинноногая разлучница, так непременно Лика, Ляля, Софи, Николь? Почему не называться своим родным именем: Саша, Маша, Даша?

Маркову ведь доподлинно было известно, что новую жену Кирилла Гнедых зовут Нина. И что родом та из деревни под Псковом. И голоногое детство она провела на берегу заросшего камышом пруда. И мать у нее там осталась больная и старая. Почему к ней-то не поехать? Почему непременно на горнолыжный курорт? Что она там станет делать-то, Нинка эта? Пыжиться и тужиться, чтобы ее к разряду гламурных жен преуспевающих бизнесменов причислили?

– И на кой черт им все это надо, Санек? – сокрушался он потом, расстроенный тем, что планы на Рождество им всем, включая мать Кирилла, поменяла новоиспеченная Ляля. – Как бы хорошо после сугробов у каминчика погреться в доме Анны Федоровны.

– Они и там после сугробов у каминчика погреются, – сказала его жена, а потом продолжила: – Снимут роскошный номер с видом на горы. Вечерами будут выходить в свет. Танцевать энергичные танцы, вести пустые, ненужные разговоры с совершенно посторонними, ненужными людьми. Затем вернутся в номер, займутся любовью. А после эта Нина-Ляля будет хвастаться своим подругам, как все это шикарно и замечательно у них было. А замечательно вряд ли будет, Саша, потому что все там чужое, включая кровати и простыни.

– Думаешь, Кирюхе это надо?

– Его Ляле это надо, – пожала плечами жена. – Значит, и ему тоже.

– И зачем он с женой расстался, хорошая пара такая была.

Маркову и в самом деле было непонятно решение друга, равно как и его выбор. Нет, новая жена Кирилла была красивой. Пожалуй, даже очень красивой. Но она была настолько пуста и беспечна, что Марков так и ждал от их нового брака подвоха…

– Санек, подойди сюда, – позвал он тоном, не допускающим возражений.

Саша послушно пришла с кухни, где загружала посудомоечную машину и вытирала стол. Послушно встала напротив мужа.

Она вообще была очень послушной женой. Послушной, уважительной и очень любящей. Если бы Марков поступил с ней, как Кирилл поступил со своей бывшей, она бы просто умерла. И отступных никаких не потребовала бы: они бы ей не пригодились, потому что она бы точно умерла.

– Что ты, ну что? – подняла она на мужа глаза.

– Целовать тебя хочу перед уходом, – заявил он и тут же потянул ее к себе, обхватив за поясницу. – Целовать, повелевать, чтобы без меня не скучала. Чтобы без нужды нигде не шлялась по городу. Если что нужно, позвони, пришлю машину.

– Я же сама за рулем, Саша! – взбрыкнула она.

– Знаю я этих баб за рулем!

– Я не баба, я женщина, – она провела губами по его щеке, шепнула в ухо: – Твоя женщина.

– Моя! Ты моя женщина, но… – он отодвинулся к двери, отпуская ее, и снова строго: – Но за рулем ты, Санек, все равно баба! Так что звони!..

Она не позвонит, с раздражающей душу тревогой подумал он, опускаясь в лифте на первый этаж. Никогда не звонит, бессовестная, когда уезжает. Считает, что мешает ему работать своими звонками. А он бесится потом, когда по домашнему телефону она ему не отвечает, а мобильный у нее где-то глубоко в сумочке, а у нее руки заняты пакетами с продуктами, и она спешит к машине из магазина, и потому ответить ему сразу никак не может.

А ему надо, чтобы тут же отвечала! Чтобы, как только он послал ей звонок, она сразу бы ответила. Ведь он боится за нее, поэтому начинает с ума сходить, и объяснений потом никаких не принимает насчет телефона на дне сумки и занятых рук. И даже кричит на нее и ругается. Только Сашка на него не обижается.

– Что же я стану на тебя обижаться, если у тебя даже губы трясутся, так ты боишься за меня, – объяснила она ему как-то, когда он начал прощения просить у нее за свое недостойное грубое поведение. – Я не обижаюсь, милый!..

Обижаться не обижается, но из дома все равно уезжает. И услугами его водителя почти никогда не пользуется. Редко, редко, когда уже сумки неподъемные. Это когда грядут праздники и могут прийти гости.

Марков сел в машину и тут же полез за мобильным.

– Ты чего? – тут же заволновалась жена. – Забыл что-нибудь? Что?

Он представил, как она крутит сейчас головой, пытаясь найти забытую им вещь. Как подпрыгивают ее кудряшки, и она их судорожно заправляет за уши, а глаза такие тревожные-тревожные: надо же, Сашенька что-то забыл, а он уже опаздывает.

Какая же милая, какая же родная! Господи, спасибо тебе за нее!

– Да ничего я не забыл, Санек, – сквозь неожиданное удушье проговорил Марков. – Просто захотелось тебя услышать.

– Ну, Марков, ты даешь, – ахнула она. – Только же из дома вышел. Все хорошо?

– Ага… Ты это, Санек…

Марков замялся. Не хотелось повторять ей снова и снова про то, чтобы звонила, чтобы телефон брала в руки, а не прятала где-то под косметичкой, кошельком и очечником.

– Да знаю, Саш, знаю. – Она заулыбалась, слышно было, что улыбается. – И звонить буду, и телефон буду под рукой держать. Не переживай. До вечера. Да, только что вспомнила. Не забудь Кирилла пригласить к нам на ужин. Пока…

Глава 5

Марго уже минут двадцать сидела в своем кабинете, уставившись в одну точку, и удовлетворенно улыбалась.

У нее все выходило! Все получалось! Вообще всегда и все получалось в жизни. А в последние два месяца особенно. Она была везучей. Везучей и очень наглой. И собственно, никогда не переживала по поводу второго своего отличительного характерного качества.

Да, она наглая. Да, умеет не только поймать удачу за хвост, но и удержать ее в своих руках. Не станет расшаркиваться, извиняться, мучиться глупым чувством вины только потому, что рядом с ней кто-то несчастен, а у нее вот все отлично. Мало того, она могла пойти по головам и по трупам, стоило лишь капризной удаче замаячить на горизонте. Плевать ей было, чьи хребты хрустят под ее острыми каблуками, плевать! Ей надо – она догонит, поймает, скрутит, станет стеречь.

Конечно, ее не любили. Вернее, ненавидели. Но она и не переживала. Главное, ее любил отец, восхищался ею, а все остальные пускай катятся. Она ими пользовалась, пользуется и будет пользоваться.

Вспомнив про отца, Марго опечалилась. Это было единственное, что вгоняло ее в тоску. Отцу было под семьдесят. Старик сдавал на глазах. Сколько-то ему еще отпущено его стариковских лет? Не станет его, что она будет делать-то, господи?! Кому будет рассказывать о своих подвигах, достижениях, пакостях?! Кто станет слушать ее с широко распахнутыми глазами, боясь сглотнуть? Кто выдохнет потом с восторгом:

– Не, дочка, тебе бы президентом быть, а не заместителем директора! Такой размах!.. Надо же, а они даже ни сном ни духом?

– Обижаешь, па! – задавалась Марго, таская с тарелки любимые оладьи из кабачков, которые отец специально научился ради нее делать. – Все думают на другого человека!

– Э-ээх, тебе бы в политику, дочка, – тут же подсказывал отец, поглаживая полный дочкин локоток. – Там такими методами далеко можно зайти!

– Во-во, зайти-то – зайдешь, да ни хрена не выберешься потом, па. – Марго облизывала пальцы от сметаны. – Мне и в фирме неплохо. Живу, как у него за пазухой! Ничего почти не делаю, все на помощников свалила. Знаю, когда с работы надо срулить, чтобы вечерние приказания Эмме достались… Кстати, ты не представляешь, какой сюрпризец я ей готовлю, па!

Про дочкину неприязнь к высокой блондинке Эмме Быстровой отец знал, как никто другой. Очень часто Марго жаловалась ему на нее, и все больше без причины. Быстрова-то ее совершенно не трогала, не обижала, даже, кажется, внимания на нее не обращала. Это-то, видимо, и задевало Ритку. Она ведь привыкла, что все вокруг нее вьется хороводом. А тут полное безразличие. Разве простишь?

– Ты бы поаккуратнее с ней, Ритка, – прикрикнул отец, поднялся, кряхтя, с мягкой скамейки в углу – дочкин подарок, поплелся в кухню. – Чай-то заваривать?

– А с чем?

Марго с сожалением посмотрела на опустевшую тарелку. Потом перевела взгляд на свой пухлый живот, сложившийся тремя крупными валиками, ухватила его пальцами, потрясла любовно.

А вот не собирается она худеть, что скажете, а? Пускай такие, как Быстрова, диетами себя изнуряют. Пусть в зал бегают, скачут там, гантельками упражняются, потеют, пыхтят.

Она – Маргарита Шлюпикова, сорока шести лет от роду, высокая, статная, рыжая, яркая, веселая, удачливая, худеть, пыхтеть, потеть не станет. Ее и такую любят, со всеми ее ста килограммами. А Эмму вот Быстрову – нет, не любят. Правильнее, ее не любит тот, с кем бы она была готова провести остаток своей блеклой, худосочной жизни.

Не любит ее Александр Иванович, хоть удавись! Жену он свою любит, с которой вместе со школьной скамьи, болтают.

Марк, пускай и не красавец, но весьма удачлив и чрезвычайно богат, от нее сбежал, хотя Быстрова и думает, что сама выставила его. Андрей – симпапусечка такая, конфетка сексуальная – тоже удрал от нее, правда, и тут Эмма считает себя инициатором разрыва отношений. Один Сергей оказался из стойких. Влюбился, кажется, в эту треску.

Втрескался в треску! Тут же придумала Марго и рассмеялась одиноким злым смехом.

Вот его Эмма точно сама выставила за дверь. Он жаловался Марго и скрипел зубами, вспоминая, как варил этой неблагодарной бабе диетические супчики и кисели из лесных ягод. Как убирал, мыл, стирал, гладил и как потом был безжалостно изгнан.

– Да за что, не пойму?! – восклицал он с болью, из чего Марго тут же сделала вывод, что ранка-то все кровоточит, не затянулась.

– Да гадкая она просто, Сергунчик, – подсказала ему вчера Марго, когда навещала Сергея на его новом рабочем месте. – Прими это как должное. Гадкая, высокомерная и глумливая.

– Думаешь? – не очень-то поверил он.

– Уверена! – Марго округлила правдиво глаза, в которых отродясь правда не ночевала. – Она ведь глумилась тут в фирме над тобой, когда ты ее пирогами да блинами встречал. Плебеем называла.

– Точно?! – Сергея будто кто под дых ударил, так сделалось в глазах темно. – Неужели могла?! А еще интеллигентной себя считает…

Он прикусил губу, сболтнув про Эмму нехорошее.

Зря он все-таки рассказал этой рыжей толстухе историю своих отношений с Эммой. А как было не рассказать?! Как?! Если Эмма, обнаружив его в этом кабинете, выскочила отсюда, словно ей кто в лицо кипятком плеснул. И тут же в отдел кадров побежала. Там закатила жуткий скандал. Ей прямиком ткнули пальцем в Марго, мол, она привела мальчонку, ее протекция. Эмма бегом к Марго и, стараясь говорить вежливо, попросила парня с рабочего места устранить. Марго, разумеется, отказала, сославшись на высокий профессионализм нового сотрудника, без которого она просто ну никак. А потом к нему с вопросами. И даже за ухо его потрепала.

– Будет тебе наука, гаденыш! – шипела Марго ему в лицо разгневанно. – Решил к Эмме через мою постель вернуться? Я вот тебе!..

Он каялся, просил прощения, говорил, что никогда больше и ни в жизни!..

Он же не знал – наивная душа, что Марго все, все, все о нем знала. У нее вообще хобби было такое, узнавать все обо всех мужиках Эммы Быстровой.

И про Сергея она, конечно, тоже знала. И когда он нечаянно толкнул ее локтем возле супермаркета, она нарочно выронила пакет и позволила потом сопляку обратно проводить ее в магазин, а там разыграла целое представление. И в его кабинете представление разыграла, оскорбилась она будто бы.

Да ее оскорбить и обидеть просто невозможно, потому что ей на все и на всех плевать. Она может ненавидеть совершенно без причины, как вот Эмму, к примеру. Или любить может тоже без причины, это она про всех красивых мужиков вместе взятых.

Ну, имеется у нее эта слабость – имеется. Любит она красивых мужиков. И желает приобщить к своей коллекции новый попавшийся ей на глаза экземпляр.

– Сгубит тебя твоя страсть, Ритка, – не раз вещал отец, когда она рассказывала ему об очередном своем похождении. – Так и знай, сгубит. Вышла бы замуж…

– Папа, о чем ты говоришь!!! – ржала, как лошадь, в ответ Марго, целуя отца в седую макушку. – Какой муж?! Да я его растопчу, как тлю, на второй день!..

– С чем чай-то станешь пить, Ритка? – крикнул ей из кухни отец. – Булка есть, сочник с вечера остался. Утром запеканку делал творожную.

– Тащи все, па. – Марго снова потрепала толстые складки на животе. – Жрать так жрать! Любить так любить…

– Это ты о чем? – не понял отец, таская с кухни тарелки в «залу», как он именовал свою единственную комнату в «хрущевке».

– Да так, ни о чем. – Марго схватила с тарелки сочник и впилась в его подсушенный духовкой до хруста край.

– А что за сюрприз ты Быстровой приготовила, дочка? – снова вспомнил отец неоконченный разговор.

– О-о, па! Это такой сюрприз, что после него она вряд ли когда воскреснет!

– Ты бы поаккуратнее с ней, Ритка. Опасно тягаться с фаворитками своих руководителей.

– С кем?! – Она аж поперхнулась и застыла, выпучив глаза, с оттопыренной щекой, куда успела уже впихнуть почти весь сочник. – С фавориткой?! Да какая она, к черту, фаворитка, па?! Ты… Ты просто не знаешь многого!

– Ты же сама говорила, что Марков ее уважает, – напомнил отец, немного стушевавшись: кажется, сказал что-то невпопад.

– Уважает! Посмотрим, как он ее зауважает, курву эту!!! Да и вообще… – Марго, как удав, протолкнула громадный кусок сочника в горло. Зашипела, закрутила головой, проглотила наконец. – И вообще, она ему не нужна! Он жену свою любит и любить будет всегда. Это даже Эмма знает. И не пытается ничего сделать. Страдает, так сказать, на расстоянии. Благородная… тварь!

– Вот, вот! – Отец поднял в потолок скрюченный артритом палец. – От таких благородных тварей и беды все наши. Они на многое способны!

– Да уж знаем теперь обо всех ее способностях. – Марго прищурила левый глаз.

К слову, глаза ей достались от матери наипрекраснейшие. В них ее отец наглядеться не мог, все время супругу свою покойную вспоминая. То зеленые будто, точно – зеленые на солнце-то. А как разозлится, то карими вмиг делаются. Разве же такое возможно, а? Странности природные просто какие-то. Сейчас вот на него кареглазая Марго смотрела, а еще час назад глаза ее поблескивали, как два умытых росой крыжовника. Чудеса…

– Знаем, па, много чего про нее знаем. Теперь вот только не оступиться. – Марго потянулась к тарелке, на которой, залитая сметаной, покоилась творожная запеканка. – Ну, интуиция меня никогда не подводила, думаю, что и на этот раз поможет быть начеку.

– Хорошо, хорошо, – закивал согласно отец, рассматривая дочь с тревогой, никого ведь, кроме нее, у него нет. – Только прошу тебя, будь осторожнее, Ритка!..

Марго отца любила, очень любила. Но даже ради этой любви не могла отказаться от честолюбивых планов. А когда к честолюбию примешивался еще и финансовый интерес, да какой (!), то отступать она не могла.

– Маргарита, – позвал ее приятный баритон личного секретаря в селекторе, – вы просили напомнить, что к трем часам вам надо быть у Маркова.

– Спасибо, Харитоша, я помню, – отозвалась Марго, послав в селектор воздушный поцелуй. – А не выпить ли нам кофейку перед рингом, а, как считаешь?

– Мигом, Маргарита!

У нее ведь парнишка в секретарях служил, не бестелесная моль, которой Эмма обзавелась. Высокий, стройный молодой человек с великолепным именем Харитон, с умопомрачительной сексуальной неутомимостью, приятной способностью не задавать лишних вопросов и с неиссякаемым аппетитом до денежных средств.

Ох уж эти деньги! Марго была бы осмеяна, признайся она кому-нибудь, что почти равнодушна к деньгам. Ей плевать было, сколько и в какой валюте их у нее в кошельке. Сегодня нет, значит, завтра будут. Никогда не копила, никогда не скупилась. Она и в коммуналке зажилась

по этой самой причине, что ей все равно было где жить. Тут ей даже веселее, сколько ископаемых под ногами путается, развлекайся – не хочу.

Она-то деньги не очень жаловала, а вот такие, как Харитоша…

Она ведь не была скупа, так? Так. Она должна была быть щедрой, не правда ли? Совершенно точно. Одаривать, задабривать, заманивать. Она и дарила, манила, отстегивала и на подарок девушке, и на лечение маме, да и просто на новые брюки.

– Не будь я с ними столь щедра, пап, не была бы столь и востребована, – огрызнулась она как-то, когда отец уж и вовсе перешел все границы, ругая ее за транжирство.

– Так уймись! – бушевал он. – Ведь полтинник скоро!

– Не могу, – лыбилась Марго похотливо. – Вот люблю я их, па! Как сахар, как рахат-лукум люблю! С этим я живу, с этим и подохну…

Харитоша вкатил столик на колесах, согнувшись в три погибели. Специально, стервец, задницу свою ей напоказ выставляет. Не иначе денег сейчас начнет просить. Мог бы одну чашечку-то и в руках донести, нет же, стол прикатил, будто она борща полведра попросила.

– Все, ступай, – неожиданно строго приказала Марго, хотя всегда позволяла себе вольности со своим секретарем, когда они были один на один. – Кто-нибудь приезжал в фирму в мое отсутствие?

– Да, Маргарита Осиповна, – кивнул Харитоша, отомстив ей тем, что назвал по отчеству, знал же, засранец, что она своего отчества не терпела и просила называть ее по имени. – С утра у Маркова посетитель.

– Кто такой? – Марго вытянула шею так, что двойной подбородок исчез, как по волшебству.

– Гнедых Кирилл Андреевич, если разведка не наврала.

И Харитоша метнул в ее сторону укоряющий взгляд. Вот, мол, старался для тебя, старая кобыла, старался, сведения добывал, а ты меня вон из кабинета.

– Гнедых?! – Она растерянно поморгала. – А кто такой этот Гнедых?

– Не знаю, – соврал Харитоша. – Знаю, что вчера его встречала в аэропорту Быстрова.

– Так, так, так… – Марго вылила в луженое горло гадское пойло, которое Харитоша гордо именовал кофе, но так и не научился его готовить. – Слушай, мальчик мой.

– Да, да, да, – он подался вперед, поняв, что потеплело. Глядишь, и премирует.

– Узнай мне все про этого Гнедых. Кто такой, откуда, чем занимается вообще, зачем прикатил. Все! Понял меня? – Она характерным взглядом смерила секретаря с головы до ног. – И поменьше старайся языком молоть и на виду болтаться. Все! И помни, что я сказала, а то задницу надеру, гаденыш!

Харитоша довольно улыбнулся. Убрал в карман пиджака три сотни зеленых, которые ему начальница сунула на непредвиденные расходы и на то, чтобы разговорить неразговорчивых. И вышел из кабинета. Теперь стоило потянуть время. Дождаться, пока Марго смотается к Маркову и вернется оттуда. И потом уже доложить о том, о чем знал еще с самого утра.

С Гнедых Марго не столкнется. Тот уехал в гостиницу и отпустил водителя до вечера. Ей никто ничего рассказывать не станет, потому что терпеть ее не могут, значит… Значит, у него есть надежда выкачать из этой жабы еще сотни три-четыре. А что? Наболтает ей, что свои потратил, развязывая язык референту Маркова. Марго поверит. И проверять правдивость его слов не будет. Глупо это и опасно. Здесь вообще становилось почему-то опасно работать. Еще полгода назад было тихо и спокойно. А после того как два месяца назад случилось то, что случилось, Харитоше стало неуютно. Все казалось, что за ним подсматривают. Что начальник службы безопасности смотрит на него с придиркой. Что Марков как-то не так здоровается.

Ушел бы! Давно бы ушел, кабы не Марго. От нее уйти было тяжелее всего. И не только потому, что премировала его регулярно и заставляла умирать и рождаться заново младенцем в своей кровати. А потому уйти не мог от нее Харитоша, что эта гадкая баба знала о нем кое-что

такое, что другим знать было не надобно. Он сболтнул как-то в постельной исповедальне, она запомнила. Зацепила на крючок и однажды, когда он намекнул, что подыскивает себе новое место, тюкнула его по башке, сказав, что он уйдет от нее тогда, когда она ему позволит или прикажет, к примеру.

Вот и маялся Харитоша в муторных ломках. И мечтал время от времени, как этой мерзкой бабы вдруг не станет. Он, допустим, приходит на работу. Усаживается за свой стол в приемной, и тут вдруг ему звонок по внутренней линии.

– Алло, приемная Шлюпиковой, – отвечает он привычно.

А ему сухим, казенным голосом говорят, что так, мол, и так, померла Маргарита Осиповна. Пригрел ее тот самый свет, куда она мечтала отправить всех своих врагов. Не желает ли Харитон принять участие в гражданской панихиде?

Он, конечно, желал. И участие принять желал, и еще сильнее желал, чтобы умерла его тайна вместе с Марго. Больше-то он никому об этом не расскажет. Поумнел! Только бы вот не стало ее поскорее, а…

Глава 6

Почему, интересно, в их отделении выживают самые мерзкие? Это во всех отделах внутренних дел так обстоят дела или только в их районе? Ведь сколько хороших ребят поувольнялось из-за подлюк типа этого сморчка Левина Ивана Васильевича. Уволились, поменяв профессию. А вот Левин Иван Васильевич менять ее не хочет. Хотя его тезка в любимой комедии взял и поменял. А Левин не хочет! Он продолжает ходить в капитанах, работать так, чтобы другим тошно было, и еще так, чтобы другие – нормальные порядочные ребята – писали рапорты об увольнении.

Почему так? Потому что тесть этого Левина у них в начальниках отдела внутренних дел сидит и такой же мудак, как и его зять? Или потому, что этот Левин родился мразью?

Сколько раз он себя уговаривал не связываться с этой шмакодявкой, сколько раз приказывал себе сцепить покрепче зубы и не реагировать на его грубые шутки. Уговаривал держать ухо востро и остерегаться подстав с его стороны. Просто мысленно посылать его туда, откуда не возвращаются, и все.

Нет же! Мы из благородных! Гордые мы! Может, поэтому он до сих пор и в лейтенантах, потому что гордый очень?

– Орлов, ты в каких небесах паришь? – впился в мозг отвратный голос Левина.

У него в самом деле был отвратный голос, без предвзятости – отвратный. Какой-то сипловатый, слюнявый. Он ведь через слово слюну в себя с шумом втягивал. Может, жрать вечно хотел, и у него, как у собаки Павлова, бесконечное слюноотделение херачило?

– Да, товарищ капитан, – невпопад отозвался Орлов Геннадий Васильевич с ленцой, за которую Левин готов был его искусать, да с зубами проблемы имелись. – Слушаю!

– К этому времени ты должен был уже сказать – слушаюсь!

Иван Васильевич с шумом втянул в себя слюни. А Орлова тут же затошнило. Ну, до чего же, сука, противный! Как его жена терпит?! Видел их как-то вместе, приличная вполне женщина. Так мало того, болтают по отделению, что у Левина любовница молодая есть, чуть ли не школьница.

– А ты не слушаешь меня ни хрена!!! – просипел Левин гневно. – Витаешь в облаках, как орел горный!!!

И он улыбнулся, довольный своей плоской шуткой. На это Орлову было плевать. Пускай хоть орлом, хоть козлом горным называет, лишь бы отстал. Он только тех шуток ему не прощал, которые касались его разбившихся вдрызг отношений с Ольгой.

Знал ведь, знал, сука, как больно было Орлову, вернувшись из «горячей точки», обнаружить свой дом опустевшим. Знал, как долго он искал ее – пропавшую в неизвестном направлении. Как он бился насмерть с ее новым избранником и как проиграл, – все знал капитан Левин.

Нет, Орлов не проиграл в бою этому сраному каратисту. Он вырубил его с четвертого подхода. Да так, что малый хлопнулся оземь и едва с нее поднялся через полчаса. Он проиграл в том, что Ольга не выбрала победителя. Она предпочла зализывать раны поверженному Орловым противнику. А на него еще и наорала вдобавок.

– Ты!.. Ты мужлан, скотина, убирайся!!! – гневалась она, прикладывая свой носовой платок к рассеченной брови ее нового любимого. – Думаешь, ты кулаками вернуть меня сможешь?! Думаешь, я прямо сейчас с тобой пойду?! Я ушла от тебя, Орлов, понимаешь!!! Ушла!!!

Он не понимал. Не понимал, что могло случиться за те три месяца, пока он охранял где-то далеко чужой покой. Он ведь ее руки со своей шеи еле оторвать сумел перед автобусом, когда уезжал. И потом еще пару недель слушал ее плач по телефону. И скучает, и любит, и тревожится. Что же могло случиться?! Успокоилась? Разлюбила? Утешилась?

Больно Орлову было так, что дышать не мог, под ребрами что-то постоянно кололо и кололо. У него так было, когда мать хоронил. Теперь вот снова накатило. Еще и коленки разнылись, аж припадать на обе ноги стал.

– Что это ты, Орлов, как подстреленный ходишь? – приставал к нему Левин в то тяжелое для Гены время. – Подстрелила тебя твоя касатка, так? На обе ноги захромал, ай-ай-ай!!! А я всегда говорил, не надо связываться с такими красивыми суками! Выбрал бы себе бабу попроще, она бы тогда точно дождалась. А то на Ольгу он глаз положил. Да ты не успел уехать, к ней очередь выстроилась. Я как-то мимо ее дома ехал, видел! В три круга вокруг дома хвост той очереди…

Если бы Орлов дал ему в зубы, тесть Левина его точно бы убрал из отдела, уволив за нарушение. А кого-нибудь поподлее на место Гены поставил бы. Он тогда не мог себе позволить такую вольность. Ребята из его команды не простили бы, что он из-за неверной бабы их предал. Их бы всех по одному ставленник начальника поглодал. А за Орловым они были как за стеной. А теперь…

Один за другим положили рапорты на стол Орлова его пацаны.

– И ты, Гена, уходи. Не отдел, а гадюшник! – обнимал Орлова за шею корефан Стас, когда они обмывали его перевод в соседний район в его гараже.

– Куда уходить-то, Стас? Что я умею, кроме как урок ловить?

– Так и я не на завод ухожу, – таращил на него пьяные глаза друг. – Я в соседний РОВД ухожу. Давай следом за мной.

– Посмотрим… – отвечал он уклончиво, хотя знал, что не уйдет.

Он не мог проиграть этой паскуде с обильным слюноотделением. Не мог позволить ему насладиться победой. Он не любил проигрывать. Мог проигрывать, но достойному. Как, к примеру, тому каратисту. Пацан боролся честно. И бился правильно, без подвохов.

А Левин – гнида. Он честно не может. Он только через подставу. И ему позволить взять над собой верх Гена не мог.

– Если тебе все ясно, Геннадий Васильевич, то я вас больше не задерживаю. Ступайте, инструктируйте нового сотрудника. Он вас заждался у вашего кабинета.

И мерзкий человечишко с капитанскими погонами мелко, хрипло рассмеялся.

– А болтают, что она прехорошенькая, – вдруг заговорил Орлов, медленно поднимаясь.

Разве он мог позволить, чтобы последнее слово осталось не за ним, разве упустил бы возможность вогнать поганый левинский смех ему обратно в глотку? Нет, конечно! Это в нем, наверно, ген родовитых Орловых зашевелился.

– А что? – потускнел сразу Левин, с неприязнью разглядывая туго натянутый китель на широченных плечах бравого лейтенанта Орлова. – Что меняет, хорошенькая она или нет?

– Да нет, я так, – одно плечо чуть поднялось и опало, голова даже не повернулась. – Если хорошенькая, то, наверно, ее прямо на столе в кабинете можно будет?.. Чего время терять на поиски, если все под рукой. Спасибо начальству!!!

Левин аж захрюкал от возмущения, но сказать в широкую сильную спину ничего не успел. Орлов уже ушел. Если бы ему довелось узнать, какие демоны сейчас разрывали душу лейтенанта, он бы остался доволен.

Вот сука!!! Решил все же додавить!!! Решил, что таким вот мерзким подставным способом заставит Орлова написать рапорт. Орлов последний, наверное, в их РОВД остался, кто не брал, не стучал, не подставлял, а просто работал. Он у них, как прыщ на заднице, торчал, который не задеть нельзя было. Он ведь молчать не мог. Нет-нет да подковырнет мздоимцев так, что у тех хребет дыбом топорщился. Стоит тот бедолага и думает, а что, если тот сизый дядя, которому без денег было отказано в возбуждении уголовного дела, а за деньги – пожалуйста, и правда из службы собственной безопасности?! Что, если Орлов не соврал, когда намекнул на это?!

Бельмом Орлов был, прыщом и мозолью. От такого надо было как можно скорее избавляться. А как?! Как избавишься, если у него процент раскрываемости самый лучший не только по району, но и по городу? Как избавишься, если один из парней из его отдела ушел как раз в эту самую службу собственной безопасности? Может, он им стучит? Может, так и ждет случая, чтобы зацепиться и всех под суд отдать? А вот кабы он ушел! Сам бы взял и ушел, а!

А он не уходил и не уходил. Уже и весь отдел его развалился, он все равно сиднем сидит. И пашет, и пашет, пашет как проклятый. Ночью уходит с работы и часа через три-четыре возвращается. И даже о помощниках не заикается.

Ну, ничего, они ему и без его ходатайств помощника подсуропили. Век помнить будет такую заботу от начальства. В чем подвох? Так ведь девку необстрелянную со студенческой скамьи ему в отдел сунули. Пускай теперь повозится с ней и сопли ей повытирает. Что-то теперь с его раскрываемостью станет, а? А то, понимаешь, лучший он!..

Девица не понравилась Орлову с первого взгляда. Со второго он понял, что стойкая неприязнь будет сопровождать их отношения вечно и ничто уже не способно исправить ситуацию.

Очки на маленьком носике. Волосики серенькие в тугом пучочке на затылке. Серая юбка до коленок. Какие-то нелепые туфли на толстом каблуке. Сизая кофта с застежкой под самый подбородок. Там, где должна быть грудь, – какие-то оборки, оборки. Попробуй угадай, есть что под кофтой или только шелковое жабо топорщится.

– Отличница? – спросил он вместо приветствия.

– Нет.

Строгие глаза цвета талой воды смотрели на него сквозь тонкие стекла с легкой усмешкой, и это Орлову не понравилось.

Что же, и эта тля вздумала над ним насмехаться? Мало ему Левина! Так теперь еще и эта? Может, сродни она капитану, а?

– А кто же? Удовлетворительница?

Он пропустил ее мимо себя в кабинет, специально встав в дверном проеме так, чтобы девушке пришлось протискиваться. Должно же было ее что-то смутить. Но девица проскользнула так виртуозно, что меж ними и еще одна такая же прошла бы.

– Из троечниц мы, Геннадий Васильевич, – она протянула ему узкую ладонь, пожала руку по-мужски крепко. – Влада… Влада Владимировна Удалова.

– Орлов, – буркнул он, быстро избавляясь от женской ладошки, оказавшейся очень сильной. – А что же из троечниц-то, Влада Владимировна?

– Так не захотела быть удовлетворительницей, – просто ответила она, погасила улыбку и кивнула на пустой стол у окна, как раз напротив его стола. – Можно занять тот стол?

– Валяй, троечница.

Ее ответ Орлову понравился, но размягчаться он не собирался.

Ну, востра на язык, дальше-то что? Может, врет? Может, троечница потому, что вместо занятий шлялась и пьянствовала. А сессии на папины деньги сдавала.

Они расселись. Влада Удалова тут же начала двигать ящиками, доставать какие-то бумаги, просматривать, делить на стопки.

Работать она приступила, скажите пожалуйста! Чуть не гавкнул на нее Орлов. Так и тянуло заорать на нее, чтобы положила все на место. Не ею положено было, не ей и сортировать.

Понимал, что не прав, конечно. Он сам давно должен был этим заняться и проверить, что там ребята наоставляли ему в наследство. Но все некогда.

Ладно, хрен с ней, с этой троечницей, не пожелавшей быть удовлетворительницей, пускай сортирует.

– Вам ведь меня в наказание прислали, так? – нарушила она тишину часа через два своей кропотливой, пыльной работы с бумагами.

– Не понял! – Орлов повысил голос, оторвавшись от отчета.

Надо же, третий день собирался делать его, а все руки не доходили. Пришла какая-то серая мышь в отдел и, ни слова не говоря, ничего не требуя, ни на что не намекая, взяла и засадила его за отчет. А писать отчеты он ненавидел!

– Ты что-то сказала, детка? – Скулы у Геннадия заходили. – Не много ли себе позволяешь для первого рабочего дня?!

– Да я ничего такого и не позволяю себе, – спокойно парировала Влада, пододвинула к краю стола три равные по высоте стопки бумаг. – Вот позволила себе немного разобрать документацию. Первую кипу можно утилизировать смело. Вторую надлежит сдать в архив. А с третьей…

– Что с ней?

– С ней надо работать. Тут показания свидетелей, даты совсем свежие. Думаю, что показания эти каким-то чудом не попали в папки с заведенными делами. Да и не чудом даже, а по недогляду.

– Это по чьему же недогляду, Влада Владимировна? – У Орлова затрепетали ноздри.

Девка не сахар. Видимо, Левин знал, кого просить. Вишь ты, недогляд она тут нашла чей-то. А чей? Ясный перец, его недогляд. Он же был начальником отдела.

– Это не мое дело, Геннадий Васильевич, – ровным тоном ответила она.

Снова глянула на него с пониманием, и от этого Орлову еще противнее сделалось. Только умниц ему и не хватало тут. Станет умничать, лезть под руку, раздражать.

Нет, сильно умных баб Орлов не любил. Глупые раздражали, конечно, но сильно умные казались ему существами бесполыми.

– Я очень проблемный человек, Геннадий Васильевич, – нарушила она тишину еще через полтора часа, когда Орлов уже хотел было собираться на обед. – Постоянно лезу не туда, куда надо. Где нужно промолчать, там рот раскрываю непременно.

– Это как же? – вдруг заинтересовался он, отчет закончил, можно было и поболтать. – За справедливость, что ли?

– За нее, за нее, родимую, – обронила она с печалью. – Поступила в медицинский институт. Так со второго курса попросили.

– Попросили? – выгнул Орлов бровь дугой.

Сам-то он из педагогического был изгнан. В школу милиции уже потом поступил.

– Завалили, вернее, – призналась она с неохотой.

– А за что? – поинтересовался он.

– Так на декана жалобу накатала, он у меня взятку вымогал.

– За что? Не успевала?

– Все я успевала! – возмущенно отозвалась Влада. – Факультет престижный стоил очень дорого.

– Что, прямо так и сказал? Напрямую?

– А чего нет?! Вызвал к себе и обозначил цену. Или, говорит, быть тебе, Влада Владимировна, педиатром.

– Совсем обнаглели!

Орлов установил локоток на стол, подпер щеку кулаком.

Интересный экземпляр ему, оказывается, подсунули. Надо бы навести о ней справки, озадачить своих бывших сотрудников. Если все так и она не врет, заранее подготовив себе легенду, то, может, они и сработаются.

Тогда держись, Левин! Вдвоем они ему точно отдел загубить не позволят.

– Девка эта просто армагедец, лейтенант! – ржал в телефонную трубку бывший подчиненный тремя днями позже. – Если ее попридерживать и направлять в нужное русло, то она

не то что Левина, она и его тестя со временем с места уберет. Она тебе не рассказала, чем закончилась ее история в медицинском институте?

– Нет. Просто сказала, что ее отчислили.

– Да туфта это. Она «неуд» получила по предмету, который знала на «пять» с плюсом. Оскорбилась и забрала документы. Гордая очень! Тебе под стать, Гена.

– Так чем закончилась история с деканом? – Орлов недовольно поморщился.

Не надо никого ему под стать. Он сам по себе кот, гуляет, где захочет, и все такое!

– А сняли его, Гена, – снова заржал его друг, которого он попросил пробить девочку на правдивость истории. – И преподы ее потом уговаривали вернуться, она отказалась.

– А в школе милиции что? Почему там на тройки училась?

– У нее всего одна тройка. Остальные – «отлично».

– И почему?

– А тебе что сказала?

– Сказала, что отказалась быть удовлетворительницей.

– Не соврала, лейтенант. Там препод один работает, и предмет-то пустяшный, так он весь понравившийся ему женский пол через себя пропускал. А вот Влада Удалова отказала. Ну и из трояков по его предмету не высовывалась. «Неуд» поставить он не осмеливался, она отлично отвечала, но и на «хорошо» она после отказа рассчитывать не могла.

– Так, так, так… – Орлов помолчал, анализируя, потом спохватился: – Слушай, а чего он к ней прицепился-то? Там ведь глянуть особо не на что. Сизо-серая какая-то. Очки, пучочек.

– Помнишь, как Жеглов сказал Шарапову, лейтенант? – снова развеселился бывший подчиненный. – Ты приглядись к девочке, приглядись, девочка-то правильная…

Глава 7

– Они не должны отдавать его чужим людям, Соня!!! – Глаза Маши снова наполнились слезами. – Они не имеют на это права!!!

– Маш, ты успокойся для начала.

Соседка по коммунальной квартире, полнотелая еврейка Софья Миндалина, погладила Машу по голове.

Ей не было жаль Гаврилову. Ей вообще никого не было жаль после того, как она пять лет назад потеряла всю семью в один из штормов на черноморском курорте.

Они жили тогда в палаточном городке прямо на галечном пляже. Отдыхали там каждое лето – она, муж и двое ее сыновей. Неплохо отдыхали, хотя Софья с удовольствием сменила бы брезентовые стены на что-нибудь посолиднее. Но разве мужу докажешь! Он способен был выколотить копейку из чего угодно, сэкономить на всем. И на отдыхе тоже ухитрялся экономить, восполняя бытовые неудобства собственным энтузиазмом.

Вспоминая осенью или зимой летний отдых, Соня с изумлением обнаруживала, что не было в нем ничего хорошего. Сортир в кустах. Это потом уже биотуалеты завезли, так к ним очередь, и опять же платными они были. Муж гундел, что дорого, приходилось тайком все равно в кусты бегать.

Еду на примусе готовила. Каждый день одну и ту же еду. Суп из пакетов. Макароны либо с растительным маслом, либо с тушенкой. Хорошо, что не было холодильника, а то заставил бы одну банку растягивать на три дня. Чебуреки не покупали. В кафе не ходили. Дискотеки он сам устраивал на пляже. И даже народ сбегался, одураченный его энтузиазмом. Мыться приходилось в палатке над тазиком, потому что за душевые тоже надо было платить.

Одно утешало всегда Софью и радовало, что все вместе они были. Что дети веселы и счастливы. И готовы были на свежем морском воздухе есть макароны три раза в день. Муж заботлив, внимателен. Ночами тайком от сыновей увлекал ее к совсем уж дальним кустам и любил ее там неутомимо, и слова всякие прекрасные нашептывал.

Разве могла она роптать против такого счастья. Она улыбалась и послушно год за годом паковала рюкзаки для их поездки к морю. А потом…

Потом передали прогноз о надвигающемся шторме. Кто-то начал собираться и съезжать. Кто-то, как они, не слышал прогноза. Кто-то, понадеявшись на авось, пропустил штормовое предупреждение мимо ушей и тоже остался. И беды-то, как ни странно, ничто не предвещало. И туч никаких не заходило. Все было, как всегда, за исключением странного тревожного чувства, не дающего покоя Соне с самого утра. Все-то ей казалось, что она что-то то ли потеряла, то ли не нашла.

Часам к пяти вечера подул ветерок и опрокинул пакеты с солью и с сахаром, которые она пристроила на походном столике перед палаткой. Готовить было не с чем. А она компот собиралась ребятам варить из сушеных яблок, которые привезли с собой. И еще картошка от уезжающих соседей осталась, хотелось вареной с укропом. А соли и сахара нет, просыпал ветер. И тогда муж с обычной своей улыбкой, в которую мог вкладывать что угодно – от любви до агрессивного укора, – послал ее в магазин. Проворонила, мол, мамашка, свои запасы, топай теперь сама пополнять. Машину он ни за что заводить не станет.

Она и потопала. Магазин располагался в маленьком поселке. Ох она и попыхтела, топая в горку, ох и поругала скопидома мужа, пожалевшего кружку бензина на поездку. Вот ни за что она на обратном пути спешить не станет. Пускай знает, что над ней нельзя измываться и на ее комфорте экономить. Купить все она, конечно же, купит, но заодно еще и в баню зайдет. Сколько можно над тазиком плескаться?! А если все займет немного времени, то еще и в кафе за плетеным забором наведается.

Ох и пахло оттуда, когда они ездили в поселок за хлебом. И мясом жарящимся, и еще чем-то остро-пряным, и перцем печеным. Софья тогда чуть язык не проглотила. И даже осмелилась запроситься туда. Муж осек сразу. Высмеял ее желание и пригрозил гастритом и язвой желудка. Тогда Софья успокоилась, а теперь нет. Теперь она непременно туда зайдет.

Не зашла.

Еще когда в бане мылась, услыхала страшный вой и грохот за стенами. Потом по коридору кто-то топал, кричал, метался. Кое-как вымывшись и вытершись, Соня поспешила на волю, а там…

А там море бешено плясало почти у самого порога, над головой низко нависло черное небо и жутко выл ветер. Никогда Соня не слышала, чтобы ветер так выл. Видела как-то в кино смерч – ужасное зрелище. А тут воочию убедилась, что ветер может выть, как дюжина страшных демонов.

Она попятилась, еще ничего не соображая, и тут же наткнулась спиной на кого-то, кто застонал с испугом:

– Люди!!! Господи, людей-то всех смыло теперь, кто на берегу жил!!!

Вот тогда и она завыла, соревнуясь по силе и ужасу с ураганом. И даже в волны, омывающие порог поселковой бани, хотела броситься, ее удержали.

Конечно, никого не нашли. Да их и не искал никто. О них даже в сводке происшествий никто не упомянул, она специально у телевизора все новости караулила, как дурочка.

Никто никогда не упомянул о ее детях и муже, будто их и не было никогда. Никто никогда не смог ей их потом заменить.

Она вернулась, долго жила одна в пустой квартире. Редко выходила на улицу. Потом однажды решила выйти раз и навсегда… через окно четвертого этажа. Не разбилась! Сломала три ребра и попала в психушку, вот и весь выход ее. Пока лечилась, к ней никто не приходил, кроме молодого соседского парня Сашки. Он жалел ее, приносил апельсины и кефир. А потом так же вот, жалеючи, присвоил себе ее трехкомнатную квартиру. И так же, жалеючи, выбросил ее на улицу.

Но Соня на него не обиделась. Каждый живет как может и хочет, решила она тогда. Лишь бы никому от этого вреда никакого не было. То, что она оказалась на улице, вредом не считала. И даже где-то в глубине души была благодарна Сашке за то, что он ей документы подсовывал на подпись. За то, что жить заставил на улице. Она немного хоть встряхнулась там, разговаривать с людьми начала. Научилась выказывать сочувствие, но вот по-настоящему сочувствовать и жалеть уже никого не могла. Будто окостенел в ней тот самый нерв, который за жалость отвечал в ее организме.

Она вот и сейчас видела, что Машкина душа разрывается от горя. Понимала, что толстая Ритка не права, что зря взъелась на девчонку. Машка же, она неплохая. И не пила совсем. Ритка как-то так ловила ее всегда, будто нарочно это делала, сука рыжая. Если бы Соню кто спросил тогда, она бы подтвердила, что Машка на тот момент, когда ее Гаврюшку отбирали, не была пьяницей. А была хорошей и заботливой матерью. Это уж потом спиваться начала. А тогда нет, не злоупотребляла и работала.

Но Соню никто не спросил. Да и кто поверил бы бывшей бомжихе? Она и жила-то в этой коммуналке всего два года.

А ведь поселилась как, сказать – никто не поверит! Сашка ведь ее на улице подобрал и сюда приволок.

– Чего же ты, тетя Соня, не сказала, что у тебя нет никого? – корил он ее после бани, где Соня мылась часа два. – Я-то думал, что куда-нибудь к родне подашься. Слыхал, у тебя тетка с сестрой двоюродной за Уралом. А ты в городе, да где! Когда увидел репортаж по телику про то, как вас гоняют, чуть не офигел совсем. Думаю, из-за меня человек пропадает!

Соня лишь улыбалась ему в ответ, с благодарностью собирая бутерброды с тарелки в пластиковый мешок. Она, конечно, могла бы ему возразить и сказать, что не она пропадает, а сам Сашка. Что не стал он счастливым, поселившись в ее квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.